

Наталья Александрова

Хоровод
со смертью

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Хоровод со смертью

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Хоровод со смертью / Н. Н. Александрова — «АСТ»,
2017 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-982567-8

Дмитрий Старыгин, талантливый реставратор с мировым именем, не любил мистику и считал, что все в жизни имеет простые, реалистические объяснения. Однако судьба как будто насмехалась над его практическим мировоззрением, и Дмитрий Алексеевич время от времени попадал в удивительные истории, которые было трудно объяснить логикой и здравым смыслом. Вот и деловая поездка в Таллин по приглашению эстонского коллеги получила неожиданное развитие. Профессор Саар оказался убит, а на его теле полиция обнаружила вырванный из древнего манускрипта лист с гравюрой и стихами на латыни. Кроме желания помочь следствию, у Старыгина появился и другой интерес: одна из таких гравюр являлась ключом к тайнику, в котором, по преданию, уже несколько веков хранятся сокровища Люцифера. Ранее книга издавалась под названием «Шкатулка Люцифера»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982567-8

© Александрова Н. Н., 2017
© АСТ, 2017

Наталья Александрова

Хоровод со смертью

Дверной колокольчик приветливо звякнул. Высокий сухощавый мужчина в черном кашемировом пальто вошел в букинистическую лавку, чуть задержавшись на пороге. В тепле его очки запотели, и ему пришлось протереть их клетчатым платком. Только тогда он увидел букиниста – круглолицый старик улыбался ему, как старому знакомому, и заговорщицки подмигивал.

– Добрый вечер! – проговорил посетитель, учтиво кланяясь и подходя к прилавку.

– Добрый! И впрямь добрый, господин профессор! – радостно воскликнул букинист. – Как хорошо, что вы ко мне зашли! У меня есть для вас кое-что очень интересное!

Он запустил руку под прилавок и выложил перед посетителем маленькую книжицу в коричневой обложке из вытертой кожи.

– Что это? – Профессор стянул перчатку, протянул руку к книге. Его сердце взволнованно забилося – он уже догадывался, что за книга лежит перед ним.

– Да, это именно та книга! – закивал букинист, улыбаясь, как будто радовался еще больше посетителя. – Именно та, которую вы искали, господин профессор!

Профессор раскрыл книгу, взглянул на титульный лист – и его сердце забилося еще быстрее. Он увидел латинское название, отпечатанное чуть неровным шрифтом, характерным для редчайших изданий шестнадцатого века, увидел дату выпуска, имя книгопечатника – Донатас Мак Абрус из Любека – и поднял просветлевшие глаза на хозяина лавки.

– Да, это она! – выдохнул он едва слышно. – Сколько я должен вам, господин... господин...

От волнения он внезапно забыл имя букиниста. Да, впрочем, знал ли он его прежде? Кажется, раньше в этом магазине он видел совсем другого человека...

– Яан, меня зовут Яан, господин профессор! – напомнил тот, нисколько не обидевшись, и назвал посетителю цену – просто смехотворную для такого редкого издания.

Впрочем, и таких денег у профессора с собой не имелось.

Он торопливо достал бумажник, пересчитал наличность – у него было при себе около тысячи евро.

– Я занесу остальное завтра! – проговорил он, кладя на прилавок деньги. – Прямо с утра...

– Не волнуйтесь, господин профессор! – успокоил его букинист. – Я вас давно знаю, вы можете принести остальные деньги в любое удобное время. А книгу возьмите сейчас, я ведь понимаю, что вам не терпится в нее заглянуть... – И букинист снова замигал обоими глазами поочередно, чем немало смутил посетителя.

Впрочем, странная мимика букиниста волновала его куда меньше удивительной книги. Он торопливо расстегнул свой пухлый портфель, спрятал туда драгоценное издание, сбивчиво поблагодарил хозяина и покинул лавку – ему не терпелось добраться до дома, включить любимую лампу под матовым зеленым абажуром и остаться наедине со своим новым приобретением...

Однако, выйдя на улицу и пройдя пару кварталов по брусчатке Старого города, профессор почувствовал проникающий под пальто сырой холод, и ему непреодолимо захотелось свернуть в хорошо известный подвальныйчик, где вот уже полвека подают горячий ароматный глинтвейн.

Поднявшись по широким каменным ступеням ведущей на Вышгород лестницы, профессор свернул вправо и толкнул тяжелую дубовую дверь. Его сразу обдало живым теплом и сложной смесью ароматов – корицы и кардамона, гвоздики и коньяка, свечного воска и тмина. Вниз

вела узкая крутая лесенка, в конце которой, вдоль стены сводчатого подвала, стояли маленькие столики. На каждом столике уютно горела свеча в стакане из красного стекла, и багряные отблески плясали на мрачных камнях стен. В самой глубине подвала за стойкой царила Аника – славная девушка с милыми ямочками на щеках.

Как ни странно, посетителей почти не было, только крупный старик с обветренным лицом старого рыбака грустил над стаканом горячего питья под ностальгический голос Георга Отса, льющийся из колонок.

Старый Таллинн славится погребками и подвальчиками, главная прелесть которых заключается в том, что они ничуть не меняются на протяжении десятилетий, как будто над ними совершенно не властно всепоглощающее время. Так и этот подвальчик – профессор знал его всю свою жизнь, и за это время глинтвейн несколько хуже не стал и обстановка заведения не изменилась. Пожалуй, единственная перемена – прежде вместо круглых столов вдоль стены стояли старые дубовые бочки. Да на месте Аники за стойкой улыбалась ее мать – впрочем, такая же славная и приветливая.

Профессор взял стакан глинтвейна, обменялся с Аникой парой дежурных фраз и устроился за дальним столом.

Отхлебнув горячего ароматного вина, он почувствовал покой и умиротворение. Впрочем, уже в следующую секунду он вспомнил о своем новом приобретении и расстегнул портфель – ему не терпелось взглянуть на редкое издание.

Осторожно раскрыв книгу, профессор увидел одну из гравюр и помещенное напротив нее латинское стихотворение.

За пятьсот лет, прошедших с года издания книги, плотная шероховатая бумага почти не пострадала, только заметно пожелтела, да типографская краска немного выцвела. Однако гравюра сохранилась прекрасно – скелет в темном долгополом плаще склонился в шутовском поклоне, подавая руку пожилому человеку в темном плаще и высокой шляпе, как будто приглашая его на танец...

Профессор начал читать стихотворение на соседней странице, но успел прочесть только две первые строки:

От многих знаний много вреда,
Всех ждет один конец...

Дочитать он не успел: дверь погребка с громким скрипом распахнулась, впуслав внутрь порыв сырого холодного ветра. Вместе с этим ветром в заведение вошел новый посетитель – высокий сутулый человек в длинном пальто с поднятым капюшоном.

Из-за капюшона его лица не было видно, и профессор отчего-то почувствовал странное беспокойство. Ему расхотелось читать книгу, он бережно закрыл ее и убрал в портфель.

Допив глинтвейн, встал, махнул рукой Анике и быстро покинул гостеприимный погребок.

Поскольку профессор находился уже на полпути к Вышгороду, то решил подняться к Девичьей башне и затем спуститься оттуда по старинной улице Люхике Ялг, то есть Короткая Нога – самому короткому спуску в Нижний город. Так он срезал бы дорогу и очень скоро попал домой.

Наверху гулял ледяной ветер. Свет фонарей остался позади, вокруг был мрак и холод. Профессор поднял воротник пальто, свернул в каменную арку и прибавил шаг.

Позади него кто-то быстро шел – от каменных стен гулко отдавались торопливые неровные шаги.

Профессор пошел еще быстрее – но незнакомец не отставал, как будто боялся остаться один на один с ночным городом.

Тогда профессор нарочно замедлил шаг, чтобы пропустить прохожего вперед. Но и тот пошел медленнее, так что расстояние между ними оставалось неизменным.

Профессор свернул в низкую каменную арку, соединявшую улицу, точнее лестницу Люхике Ялг, с другим спуском – Пикк Ялг, или Длинная Нога.

Таинственный незнакомец свернул следом за ним, так что не осталось никаких сомнений – он преследует профессора с какими-то неясными, но наверняка недобрыми намерениями.

Профессор шагнул в сторону, прижавшись спиной к стене, надеясь, что незнакомец не заметит его в темноте и пройдет мимо.

Из мрака появилась высокая фигура в плаще с капюшоном.

Несомненно, это был странный посетитель винного погребка. Тот человек, который ворвался туда с порывом ледяного северо-западного ветра.

Только теперь его мрачный силуэт показался профессору куда более зловещим. Он напомнил ему изображение смерти на старинной гравюре, изображение танцующего скелета в длинном плаще.

Незнакомец остановился, вглядываясь в темноту. Из-под капюшона тускло блеснули белки глаз. Шагнув вперед, он положил на плечо профессора тяжелую руку и заговорил.

Он говорил по-латыни, и, вслушавшись в его слова, профессор узнал стихотворение из книги:

От многих знаний много вреда,
Всех ждет один конец.
И книги тебе не помогут, когда
Придет за тобою жнец...

– Что вам от меня нужно? – спросил профессор, собрав все свое мужество. – Вам нужны деньги? Но у меня их почти нет...

Впрочем, в глубине души он понимал, что этого человека, читающего посреди ночи латинские стихи, вряд ли интересуют его деньги. Ему нужно что-то совсем другое...

Профессор догадывался, что именно – но не хотел признаваться в этом даже себе самому.

В проеме каменной арки появилась луна, осветив сцену разворачивающейся драмы тусклым призрачным светом. Профессор вгляделся в провал под капюшоном, надеясь увидеть лицо незнакомца. Почему-то ему казалось, что если он увидит его, ничего страшного не произойдет.

Однако под капюшоном ничего не было видно – как и прежде, оттуда лишь тускло блестели белки глаз.

А незнакомец, дочитав латинское четверостишие, взмахнул рукой – и из широкого рукава выдвинулось узкое лезвие, сверкнувшее в лунном свете живым серебром, как выпрыгившая из воды рыба.

– Зачем?! – вскрикнул профессор, попытавшись увернуться, выскользнуть, сбежать...

Но узкое лезвие уже вошло в живую плоть, пронзив его немыслимым, непостижимым холодом. Профессор понял все – и тут же провалился в последнюю бездну, во тьму без образов и видений.

А человек в длинном плаще выдернул свое лезвие, вытер его о пальто мертвеца и спрятал в рукав. Затем, склонившись над трупом, взял из мертвой руки портфель, расстегнул его и достал старинную книгу.

Раскрыв ее в нужном месте, вырвал страницу и осторожно засунул ее за воротник кашемирового пальто профессора.

Выпрямившись, незнакомец бережно спрятал оскверненную книгу за пазуху и быстрыми неровными шагами удалился в сторону Нижнего города.

– Тере, – сказал Старыгин, входя в гостиничное кафе, чтобы съесть положенный ему завтрак.

– Здравствуйте, – ответила светловолосая девушка с едва заметным акцентом.

Дмитрий Алексеевич обрадовался, поскольку знал по-эстонски всего одно слово. Правда, всегда можно было объясниться с персоналом гостиницы по-английски, но отчего-то ему было приятно, что девушка говорит на его родном языке.

Дмитрий Алексеевич Старыгин, талантливый реставратор с мировым именем, приехал в Таллинн по приглашению своего эстонского коллеги профессора Хендрика Саара. Тот собирался приступать к реставрации двух картин неизвестного фламандского мастера, выставленных в церкви Нигулисте, которая являлась музеем средневекового искусства и по совместительству концертным залом, поскольку там находился лучший орган в Таллинне, и пригласил Старыгина на консультацию.

Дмитрий Алексеевич специализировался на художниках итальянского Возрождения, но с радостью согласился приехать – с профессором Сааром его связывало давнее деловое знакомство, кроме того, он с юности любил Таллинн.

Завтрак был по-эстонски плотным и обильным. Сочная ветчина, мягкий теплый хлеб, свежайшее желтое масло и душистый малиновый джем. Старыгин не отказал себе в удовольствии выпить две чашки крепкого горячего кофе и поднялся из-за стола, вполне довольный жизнью.

Дмитрий Алексеевич любил поесть и никак не мог побороть в себе эту слабость. Впрочем, он не слишком старался.

Пора было идти в музей. Вчера он приехал в Таллинн очень поздно и сразу же лег спать, они условились накануне с Хендриком, что встретятся прямо в церкви Нигулисте утром.

Старыгин вышел на улицу и вдохнул бодрящий морозный воздух. Однако свежо, все же февраль месяц, до весны еще далеко. Он поплотнее обмотался шарфом и пошел не спеша, с удовольствием глядя по сторонам – симпатичный мужчина с густыми волосами, тронутыми сединой. Интересный и вполне моложавый. А что до нескольких лишних килограммов в районе брюшного пресса, то под свободной курткой этого не видно.

Перед глазами проплывал старый город. Разноцветные дома с островерхими черепичными крышами, с флюгерами и крошечными слуховыми окошками, забранными ажурными коваными решетками, круглые башни, выложенные из серого камня. Толстые крепостные стены с глубокими бойницами, литые разукрашенные двери, и почти над каждой висит либо железный сапог, либо такой же крендель, либо три шара, означающие, что когда-то давно, возможно в пятнадцатом или шестнадцатом веке, в этом доме жил аптекарь.

Старыгин миновал всю эту красоту и поднялся на холм, где находилась церковь Святого Николая – Нигулисте.

Музей оказался открыт, стало быть, уже десять часов утра, и профессор Саар его ждет. Старыгин ускорил шаг.

Седовласая дама при входе сказала, однако, что профессор еще не приходил, и предложила подождать его в приемной. Или пройти в кабинет заместителя директора музея Кленского: он уже на месте и ждет дорогого гостя из Петербурга.

Кленский оказался немолодым, но крепким человеком. Красное широкое лицо, большие руки, выглядывавшие из рукавов пиджака, говорили о том, что предки его не занимались исследованием живописных полотен и скульптур. Вероятнее всего, они плавали в море, ловили рыбу, рубили лес или тесали камни.

Старыгин вежливо отказался от чая и кофе и решил побродить пока по музею, тем более что интересующие его картины еще висели в экспозиции.

В помещении церкви было пусто и прохладно, где-то наверху тихо звучала органная музыка – органист готовился к воскресному концерту.

Прежде всего Дмитрий Алексеевич заглянул направо, в капеллу святого Антония, там висела знаменитая картина «Пляска смерти». Примечательна она была тем, что прекрасно сохранилась с пятнадцатого века. Дмитрий Алексеевич знал, что в прошлом году исполнилось пятьсот лет со дня смерти ее создателя, немецкого художника Бернта Нотке, и по такому случаю картину реставрировали.

Император, король, священнослужитель и знатная дама в дорогой одежде стояли в сопровождении скелетов, изображающих смерть. Картина говорила о том, что все земное тщетно и перед лицом смерти все равны – бедные и богатые, красивые и уродливые, молодые и старые, и не спасут от смерти ни власть, ни деньги.

Старыгин опытным взглядом отметил отличную работу реставраторов, но не стал задерживаться надолго, ему хотелось взглянуть на те две картины неизвестного фламандца, из-за которых он и прибыл в Таллинн.

Картины не то чтобы его не порадовали, просто оказались в очень плохом состоянии, то есть работы там предстояло немерено. Картины были парными, висели рядом. На левой с трудом, но все же просматривались светлая просторная комната и широкая кровать на переднем плане. И пышный балдахин, и покрывало, спадающее красивыми складками, были дивного темно-розового цвета, как будто сотканы из чуть пожухлых лепестков шиповника. Видно было, что на кровати полулежит, опираясь на подушки, молодая женщина, а служанка подносит к ней младенца. Женщина протягивает руки к ребенку, и лицо ее озарено нежной улыбкой. На заднем плане едва видны какие-то люди в пышных одеждах, но лица их смазаны, и кто есть кто, неизвестно.

Судя по всему, картина изображала рождение Богородицы, младенец на руках у служанки – это Дева Мария, а на кровати – ее мать, святая Анна.

Со второй картиной дело обстояло еще хуже – с великим трудом Старыгин смог рассмотреть огромный зал с колоннами, мраморные ступени, которые вели к трону. На троне вроде бы кто-то сидел, и его окружало множество людей. Но об этом можно было только догадываться. Как и о том, что же художник изобразил на картине.

Старыгин потоптался возле картины, вынул из потертого кожаного футляра старинную лупу в бронзовой оправе и попытался рассмотреть кое-что. Для этого пришлось подойти к картине слишком близко, и тотчас возле него возник охранник – молодой и весьма сильный с виду парень в хорошо сшитом черном костюме. Старыгин представился и даже показал свои документы, только тогда из глаз парня исчез настороженный блеск, но все же он вежливо попросил отойти от картины. Старыгин убрал лупу в карман без сожаления, поскольку все равно не смог рассмотреть, что же за люди изображены на второй картине.

Возможно, тщательное исследование картины с применением современных технических средств прояснит этот вопрос.

Старыгин оторвался от картины и покрутил головой. В зале появились первые посетители – немолодая пара, шведы, две девчушки-школьницы, молодой человек с длинными волосами, стянутыми шерстяной повязкой. Дмитрий Алексеевич поглядел на часы. Оказывается, он так увлекся, что забыл о времени, а прошел почти час. Куда же подевался профессор Саар?

Дмитрий Алексеевич постучал в дверь кабинета. Из-за нее донеслось неразборчивое восклицание по-эстонски, которое он посчитал за приглашение, толкнул дверь и вошел.

За широким столом сидел его давешний знакомец, но широкое его лицо было изрыто морщинами и перекошено, словно Кленский постарел за прошедший час лет на двадцать. По другую сторону стола сидел толстый мужчина в свитере грубой вязки, с тяжелым квадратным подбородком. Возле окна спиной к двери стоял еще один человек, лица которого Старыгин не видел.

– Извините, – проговорил он, попятившись. – Вы заняты... я хотел только спросить – не знаете ли вы, где Хендрик Саар. Мы с ним договаривались на десять...

Человек у окна резко повернулся и уставился на Старыгина светлыми прозрачными глазами. Сидевший возле стола толстяк тоже развернулся и запыхтел, как рассерженный еж. Только Кленский молчал, опустив глаза, и нервно потирал руки.

– Я что-то не то сказал? – Дмитрий Алексеевич обвел присутствующих взглядом, почувствовав возникшее в комнате напряжение.

– Позвольте узнать ваше имя, – осведомился толстяк с мягким эстонским акцентом, поднимаясь со стула и исподлобья разглядывая Старыгина.

– Старыгин, Дмитрий Алексеевич, – проговорил Старыгин, недоумевая. – А в чем дело?

– Это известный реставратор из Петербурга, – представил его Кленский своим гостям. – Он прибыл по приглашению профессора Саара...

Незнакомцы переглянулись.

– Во-от как? – протянул человек у окна, шагнув к Старыгину, и чуть склонил голову набок, как умная собака. – А ка-акие у ва-ас дела с профессором?

– Профессиональные, – сухо ответил Дмитрий Алексеевич. – А в чем все-таки дело, господа? Кто вы такие?

– Инспектор Мяги, – представился толстяк.

– Инспектор Сепп, – добавил его коллега.

– Эти господа из полиции, – пояснил Кленский.

– Из полиции? – Старыгин недоумевал все больше. – При чем здесь полиция? И где все же профессор Саар?

– В морге, – холодно ответил толстяк.

– Что?! – Старыгин вздрогнул, как будто его обдало ледяным ветром. – Это что – такая шутка?

– Мы та-ак не шутим, – проговорил инспектор Сепп. – Это о-очень серьезно.

– Профессор Саар умер этой ночью, – закончил за него толстяк. – И мы знать хотим, где ночью этой вы были.

– В гостинице. – Дмитрий Алексеевич пожал плечами. – В своем номере. Я приехал вчера около одиннадцати вечера и сразу лег спать. А что такое? Что случилось с Сааром? Отчего он умер и при чем тут я?

– Думаю, ни при чем вы тут. – Толстый инспектор Мяги слегка отступил, его коллега, напротив, выдвинулся вперед.

– Да-а, я то-оже думаю, что вы ни при чем. Мы пр-осто проверяем а-алиби у всех, кто был свя-азан с профессором Сааром. В его записной книжке было ва-аше имя...

– Так все же – что с ним случилось? Ведь он был совершенно здоров... вчера, когда я с ним разговаривал...

– Да-а, – подтвердил Сепп. – Он бы-ыл здоров...

– Пока ножом не ударили его в сердце, – закончил Мяги, в своей обычной манере переставляя слова.

– Ножом? – ужаснулся Старыгин. – В сердце? Господи, какое несчастье!

– Да-а, большое несчастье! – пригорюнился Сепп. – А о чем вы с ним должны были говорить?

– Какова цель вашей встречи была? – внес свою лепту в разговор толстяк Мяги.

– Так это именно он пригласил меня в Таллинн, чтобы обсудить реставрацию фламандских картин... – Старыгин опустил руки и понурился, до него дошло, что внезапная смерть профессора Саара делает его дальнейшее пребывание в Таллинне бессмысленным. – Наверное, теперь мне придется вернуться...

– Не-ет, вы не должны пока уезжать! – протянул инспектор Сепп. – У нас могут появиться вопросы...

– Несколько дней подождать придется хотя бы! – добавил Мяги. – А не знакомо ли это вам случайно?

Он жестом фокусника извлек из кармана сложенный вдвое пожелтевший листок.

Старыгин потянулся за этим листком, но инспектор остановил его жестом и позволил только взглянуть на листок, придерживая его за уголки.

В кабинете было темновато. Дмитрий Алексеевич чуть склонился над листком и разглядел латинский текст.

– От многих знаний много вреда... – перевел Старыгин первую строчку стихотворения. – Всех ждет один конец...

Два инспектора переглянулись.

– Вы хорошо понимаете язык этот! – проговорил Мяги, причем было непонятно – одобряет он Старыгина или осуждает.

– Я много работаю со средневековыми документами. – Дмитрий Алексеевич пожал плечами. – Без знания латыни это было бы невозможно...

И он завершил перевод:

– И книги тебе не помогут, когда
Придет за тобою жнец...

– Книги! – Сепп взглянул на своего коллегу. – При чем здесь эти книги?

– А при чем жнец? – возразил Мяги и снова раздраженно запыхтел.

– Жнец – это символическое обозначение смерти, – машинально пояснил Старыгин. – Смерть традиционно изображают в виде скелета с косой или серпом...

– Смерть! – Инспектор Сепп поднял палец и повернулся к Старыгину. – Та-ак мы вас про-осим пока никуда не уезжать...

Еще немного побродив по городу, Старыгин решил перекусить. По прежним посещениям Таллинна он помнил очень уютный ресторан под названием «Халль хунт», что в переводе с эстонского значило примерно «Милый волк». Ресторан был разделен на небольшие уютные кабинки, в каждой из которых имелись мягкие диванчики, обитые полосатым ситцем, на которых можно было с большим комфортом расположиться и отведать блюда традиционной эстонской кухни. По стенам кабин были развешаны старинные фотографии – виды дореволюционного Таллинна, или Ревеля, дагерротипы солидных мужчин в сюртуках и женщин в строгих темных платьях.

Старыгин находился как раз на улице Пикк, неподалеку от знакомого ресторана. Увидев его вывеску, он поднялся на крыльцо, толкнул дверь... и оказался в шумном и многолюдном зале настоящей пивной.

За длинными столами восседали рослые бородатые парни и мужчины постарше в кожаных куртках и банданах, увешанные цепями и всевозможными железными побрякушками – в общем, типичные рокеры или байкеры, Дмитрий Алексеевич не знал толком, чем первые отличаются от вторых.

Он с грустью понял, что и консервативный Таллинн не избежал перемен, а также лишний раз убедился, что крайности сходятся – сохранив свое забавное название, тихий и уютный семейный ресторан превратился в свою полную противоположность.

Однако из кухни тянуло очень аппетитными запахами, и Старыгин решил остаться.

Устроившись за маленьким столиком возле стены, он заказал большую кружку темного пива и порцию тушеной капусты со свиной.

Пиво принесли сразу, к нему подали соленые сухарики с чесноком и сыром, и Дмитрий Алексеевич в ожидании основного блюда приступил к пиву, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Вдруг рядом с ним остановился крупный толстый человек в свитере грубой вязки. В руках у него был поднос с пивом и закусками.

– Не возражаете, если к вам присоединюсь я? – проговорил он удивительно знакомым голосом, и Старыгин узнал своего утреннего знакомого инспектора Мяги.

– Садитесь, инспектор, – он изобразил приветливую улыбку.

– О, это вы! Какая встреча неожиданная! – Полицейский удивленно поднял брови, поставил поднос и уселся напротив Старыгина.

– Вы хотите меня убедить, что эта встреча действительно случайная? – проговорил Дмитрий Алексеевич несколько сухо.

– А вы сомневаетесь отчего-то в этом? – Инспектор запыхтел, как обиженный еж, но передумал обижаться. – Таллинн – город маленький, встретиться немудрено здесь! Хотя, впрочем, я искал вас.

– С этого бы и начинали, – усмехнулся Старыгин. – Так зачем же вы меня искали?

Инспектор не спешил отвечать. Поставив локти на стол, он немного отпил из своей кружки, перевел дыхание, вытер губы салфеткой и взглянул на Старыгина так доверительно, как будто хотел сообщить ему страшную тайну.

– Вы – умный человек, – проговорил он наконец вполголоса и снова замолчал.

– Конечно, я благодарен вам за такую лестную оценку моей скромной персоны, – хмыкнул Дмитрий Алексеевич. – Однако не думаю, что вы искали меня только для того, чтобы это сообщить...

– Вы – умный человек, – повторил инспектор. – Вы сразу же поняли, что значит листок тот. И сказали сразу, что книги важны чрезвычайно в этом деле.

– Листок? – переспросил Старыгин растерянно. – Какой листок? Какие книги?

– «И книги тебе не помогут, когда придет за тобою жнец!» – процитировал инспектор торжественным голосом и положил перед Старыгиным пожелтевший листок с латинским стихотворением.

Старыгин машинально перевернул листок.

На обратной его стороне находилась гравюра.

Пожилой человек в длинном темном плаще держал за руку ухмыляющийся скелет, облаченный в полуистлевший саван. На голове старика была высокая конусообразная шляпа, в свободной руке он держал какой-то удлинённый предмет.

Вглядевшись в него, Старыгин понял, что это – реторта, сосуд, предназначенный для различных химических опытов. Должно быть, мужчина на гравюре – ученый, скорее всего – алхимик. В наше время средневековых алхимиков воспринимают как шарлатанов, обманщиков, пытавшихся превратить свинец и ртуть в золото или искавших секрет бессмертия.

Однако мало кто вспоминает, что далеко не все алхимики являлись шарлатанами, что в поисках философского камня алхимики сделали множество настоящих открытий, разработали методику химических экспериментов, заложили основание современных наук – химии и физики, а в поисках эликсира бессмертия изучили свойства многих целебных трав и значительно продвинули вперед медицину.

Итак, на гравюре изображен средневековый ученый.

О том же самом говорит стопка книг, которую он держит под мышкой.

Книги, которые ему не помогут в смертный час, в час, когда за ним придет жнец...

Старыгин еще внимательнее вгляделся в гравюру – и ему показалось, что изображенный на ней человек очень похож на покойного профессора Саара...

– Ах, вы об этом... – Старыгин смутился. – Ну да, я перевел этот стишок. Но знание латыни – это для меня всего лишь профессиональная необходимость. А при чем тут вообще книги?

– Это из книги страница. – Инспектор придвинул листок поближе к Старыгину. – Из старинной весьма и редкой книги. Мы с моим коллегой Сеппом проверить решили, что за книга это, и обошли нескольких букинистов. К счастью, город маленький Таллинн, и мы быстро того букиниста нашли.

Дмитрия Алексеевича немного утомляла манера инспектора переставлять слова в странном порядке, поэтому ему было трудно следить за его мыслью.

– Букиниста? – переспросил он. – Какого букиниста?

– Букиниста того, продал который книгу эту профессору Саару только вчера.

Вкратце инспектор объяснил Старыгину, что они с коллегой зашли в несколько букинистических магазинов, чтобы выяснить, из какой книги могло быть вырвано найденное на трупе профессора латинское стихотворение.

В нескольких магазинах им ничем не смогли помочь. Однако владелец небольшой букинистической лавки рядом с холмом Харью не только ответил на их вопрос, но также сообщил, что именно у него несчастный профессор накануне вечером, буквально за час до своей трагической гибели, приобрел злополучную книгу.

Книгу эту профессор Саар искал уже давно, он готов был заплатить за нее практически любые деньги. Но она и впрямь являлась большой библиографической редкостью. Изданная в Любеке в самом начале шестнадцатого века, книга называлась «Пляска смерти», и в ней имелись гравюры и латинские стихи, живописующие бренность и краткость жизни и никчемность мирских благ.

Букинист искал эту книгу для профессора, используя все свои возможности, и наконец совершенно случайно обнаружил ее. То есть, можно сказать, книга сама пришла к нему в руки: ее принесла в магазин какая-то древняя старушка, которая и сама толком не могла объяснить, откуда у нее взялась такая редкость.

То ли старушка служила много лет назад экономкой в богатом купеческом доме, то ли получила книгу в наследство от дальних родственников... Речь ее была сбивчива, она переходила с эстонского на русский, с русского – на ломаный немецкий, а с него – вовсе на какой-то непонятный язык, возможно, на латынь. Букинист предложил старушке вполне приличную цену (так, по крайней мере, он сказал полицейским), но та отчего-то испугалась, видно, не представляла, что невзрачная потрепанная книжица может стоить таких денег.

В конце концов, они все же договорились. У букиниста в данный момент не имелось всей суммы наличными, он заплатил владелице книги половину и попросил ее зайти за остатком к концу дня. Книгу, понятное дело, он оставил у себя.

Закрыв магазин на обеденный перерыв, он отправился в банк и снял со своего счета недостающую сумму, чтобы сполна рассчитаться с хозяйкой редкого издания. Однако напрасно он прождал старушку: она так и не пришла за своими деньгами.

Зато очень кстати в магазине появился профессор Саар, которому букинист и продал уникальный том. Правда, и здесь история повторилась: у профессора также не нашлось с собой всех денег, и он заплатил за книгу аванс.

«И как же теперь мне получить остальные деньги? – беспокоился букинист. – Профессор умер, книга пропала...»

Инспектор Мяги обратил внимание книготорговца, что тот и сам не заплатил за книгу полную цену. Однако тот этим не удовлетворился: одно к другому не имеет отношения, и в делах магазина должен быть порядок. В конце концов, странная старушка может вернуться и потребовать свои деньги...

Впрочем, полицейских больше интересовали не денежные вопросы, а сама книга.

– Если старинная книга такую большую ценность представляет, – протянул инспектор Мяги несколько неуверенно, – то ограбление вполне возможно...

Инспектор был человек практичный и в любом преступлении искал простые, привычные мотивы.

– Это вряд ли, – решительно возразил Старыгин, – если бы убийца хотел таким способом заполучить ценную книгу, он бы не стал вырывать из нее страницу.

– Правы вы, пожалуй... – согласился полицейский, – однако не все ясно с книгой этой...

Букинист вел свои дела весьма аккуратно, каждое новое поступление непременно заносил в толстую конторскую книгу, которую тут же открыл и с важным видом прочитал полицейским последнюю запись: поступила от неизвестной женщины книга, изданная в Любеке в одна тысяча пятьсот сороковом году почтенным книгоиздателем Данатасом Мак Абрусом. Название книги – «Пляска смерти, или Прискорбная мимолетность человеческой жизни». Представляет она собою сшитую и переплетенную в кожаный переплет серию из двадцати четырех гравюр, каждая из которых снабжена соответствующим латинским стихотворением душеспасительного содержания...

– Мак Абрус? – переспросил инспектора Старыгин. – Ну, это, само собой, псевдоним!

– Вот как? – оживился Мяги. – Почему вы думаете так? Что вас на мысль такую натолкнуло?

– Ну это же очевидно! – Дмитрий Алексеевич усмехнулся, придвинул к себе салфетку, достал из кармана карандаш, с которым никогда не расставался, и крупно написал латинскими буквами:

«Danatas Mac Abrus»

– Это ничего вам не напоминает? – И он придвинул салфетку к инспектору.

Полицейский внимательно взглянул на листок, смешно вытянул губы и пропыхтел:

– Ну, надо же... а мы и не обратили внимания... Данатас Мак Абрус... это же...

– Совершенно верно! Если записать это имя чуть по-другому – получится Dans Macabr. Именно так во Франции называли пляску смерти. В Италии ее именовали Danza Macabra, в Испании – Danza de la muerte, в Германии – Totentanz...

– Постойте, постойте! – Инспектор Мяги смешно замахал руками. – Мне лекция о разных языках не нужна вовсе! Скажите лучше мне, при чем здесь эта самая пляска и какое к несчастному профессору Саару отношение имеет она?

– Какое отношение «Пляска смерти» имеет к покойному профессору – я не знаю, этот вопрос скорее относится к вам. Я же могу только сказать, что «Пляска смерти» первоначально появилась в средневековой Европе как народная драма, театрализованное представление, главной идеей которого была краткость жизни и неизбежность смерти, которая уносит каждого человека независимо от его титула и положения, от его знатности и богатства. Поэтому участники этого представления выступали в нарядах короля и епископа, императора и папы, знатной дамы и королевы, богатого купца и простолюдина. Главным же персонажем драмы выступала Смерть, которая вела за собою всех остальных танцоров к неизбежному концу. В глазах верующих смерть представляла собой сурового судью, который карает злых и нечестивых независимо от их положения, а добрым и праведным приносит избавление от земных мучений и открывает двери в новую, лучшую жизнь.

Христианская церковь позволяла это представление, поскольку, внушая людям страх смерти, оно укрепляло религиозные чувства. Особенное распространение «Пляска смерти» получила перед наступлением тысячного года от Рождества Христова, когда вся христианская Европа ожидала конца света. Люди продавали свое имущество, покидали дома и уходили в монастыри, чтобы молитвой и покаянием очистить души и подготовиться к Страшному суду...

– Постойте, постойте! – снова прервал Старыгина инспектор. – Вы говорите, что представление было это. Однако здесь мы книгу видим, при чем представление здесь?..

– Совершенно верно, – кивнул Дмитрий Алексеевич. – Первоначально, как я уже сказал, «Пляска смерти» была ярмарочным представлением. Позднее ее стали изображать в скульптурном виде на кладбищенских и церковных оградах. Весьма известна «Пляска смерти» на стене парижского кладбища «Невинноубиенных младенцев». Затем этот сюжет стали изображать в живописи и скульптуре, на коврах и гобеленах, а когда в пятнадцатом веке изобрели книгопечатание, «Пляска смерти» стала популярным книжным сюжетом. Обычно ее изображали в виде вереницы человеческих фигур, от папы римского до простого крестьянина, которые танцуют под музыку флейтиста или волынщика, чередуясь с закутанными в саван скелетами. В книгах эту цепочку танцоров обычно разбивали на пары, сопровождая каждую пару нравоучительными виршами соответствующего содержания, говорящими о тщете и суетности всего земного и неизбежности смерти...

Старыгин оседлал своего конька и готов был говорить очень долго, как будто находился на институтской кафедре перед внимательными и заинтересованными студентами, старательно записывающими каждое его слово, но в разгар своей лекции он перехватил взгляд инспектора и смущенно осекся:

– В общем, эта книга – из того же разряда.

– А та «Пляска смерти», которая у нас в церкви Нигулисте расположена?

– Ну да, и это тоже... – пробормотал Дмитрий Алексеевич. – Сейчас в Европе сохранилось очень мало произведений на этот сюжет, большинство погибло во время войн и революций, таллиннская «Пляска», похоже, единственная хорошо сохранившаяся...

– Да, это большая редкость... – закивал инспектор. – Но эта книга... вы говорите, что таких издавалось много?

– Издавалось-то много, да сохранилось до наших дней очень мало! Вы только представьте, сколько войн, эпидемий, бунтов прокатилось по Европе за пятьсот лет, прошедших со времени ее издания! Удивительно, что хотя бы один экземпляр сохранился...

– Интересное совпадение... – протянул инспектор. – Одна картина сохранилась в Таллинне, и одна книга – тоже в Таллинне. Что бы значило совпадение такое?

– Ну, уж это вам виднее, вы ведь у нас полицейский! – Старыгин усмехнулся и развел руками. – Да, вот еще что я хотел спросить: как был убит профессор Саар?

– Удар узким лезвием в сердце, – ответил инспектор, невольно понизив голос.

– Ку де грас... – пробормотал Старыгин.

– Что, простите? – переспросил инспектор.

– Так называемый удар милосердия, – пояснил Дмитрий Алексеевич. – Так называли в Средние века удар в сердце узким острым стилетом, который должен был прекратить мучения тяжело раненного противника. Для этого предназначался специальный стилет с трехгранным лезвием, мизерикорд, или мизерикордия, который мог проникать в сочленения рыцарских доспехов.

– Интересно... – Инспектор сделал какую-то пометку в своем блокноте. – Надо будет спросить у медицинского эксперта, какова форма оружия, которым убили профессора.

– Да, спросите... – Старыгин поднял взгляд. – А я в свою очередь хочу спросить у вас, могу ли я уехать. У меня, знаете ли, много дел, и больше нет причин задерживаться здесь.

– Да, вы можете уехать, – разрешил инспектор. – Я задал вам все вопросы и получил на них ответы, так что не вижу причин задерживать далее вас...

Вдруг к их столу подошел огромный бородатый человек в тяжелых армейских ботинках, потертой кожаной куртке и с повязанной вокруг головы черной банданой в черепахах.

Хлопнув инспектора по плечу, он разразился длинной тирадой на эстонском.

Инспектор что-то ответил байкеру и повернулся к Дмитрию Алексеевичу:

– Извините меня, это знакомый мой, с которым мы в Тарту учились когда-то. Не виделись десять лет мы...

– О, конечно! – Старыгин улыбнулся, простился с инспектором и покинул ресторан, оставив на столе деньги.

Он шел по улице Пикк и думал о странной и нелепой смерти профессора Саара.

Это убийство изобиловало какими-то нелепыми мистическими деталями, как будто на дворе не двадцать первый век, век Интернета и глобализации, а пятнадцатый или шестнадцатый. Латинские нравоучительные стихи, страница из старинной книги, крадущийся в ночи таинственный убийца...

Старыгин не любил мистики, он считал, что все в жизни имеет простые, реалистические объяснения. Однако судьба, как будто насмехаясь над его практическим мировоззрением, то и дело подсовывала ему удивительные приключения, которые трудно было объяснить житейскими причинами. Он вспомнил, как занимался поисками чаши Грааля, как пытался расшифровать древнюю тайну, записанную музыкальными знаками, как искал странные картины безумного художника и еще многие удивительные истории, случавшиеся с ним время от времени.

Вот и сейчас он чувствовал присутствие какой-то темной силы.

Нужно скорее уезжать из Таллинна, пока вся эта мистическая карусель не затянула его...

Он решил завтра же отправиться домой, а пока еще раз заглянуть в церковь Нигулисте.

Его смущала какая-то странная, подозрительная деталь в убийстве профессора, и он хотел снова увидеть «Пляску смерти», чтобы разобраться в своих сомнениях.

На улице уже стемнело. Вокруг не было ни души, только древние каменные фасады клонились над Старыгиным, как будто средневековый город разглядывал его с пристальным и неприязненным любопытством, как незваного и дурно воспитанного гостя.

Дмитрий Алексеевич опасливо покосился на мрачный высокий дом по правую руку. Он знал, что одно из окон на третьем этаже фальшивое, нарисованное на стене сотни лет назад. За этим окном находилась так называемая «чертова квартира», в которую нельзя было попасть никаким образом, но из которой время от времени доносились громкие голоса, шум веселого застолья – тогда горожане говорили, что черт снова играет свадьбу. Вот и сейчас из-за нарисованного окна Старыгину послышался звон бокалов и фальшивое, нестройное пение...

Посчитав эти звуки слуховой галлюцинацией, вызванной фантастической атмосферой средневекового города, Дмитрий Алексеевич прибавил шагу, свернул направо и вышел к подножию холма. Впереди маячила мрачная громада собора.

Поднявшись по булыжной мостовой, Старыгин нерешительно толкнул тяжелую дубовую дверь. Она оказалась не заперта, и он вошел в просторный холл.

Никого из служителей не было видно, и в холле царила темнота, только в дальнем его конце тусклый огонек дежурной лампочки словно нехотя показывал вход в главный придел собора. Старыгин зябко поежился, огляделся по сторонам. Ему хотелось выйти прочь, вернуться в гостиницу, к теплу и к свету, к живым людям, но он не уступил своему малодушному желанию и пошел вперед.

Внутри храма мрак был еще гуще, еще мрачнее. Тяжелым каменным грузом навалился он на Старыгина.

Дмитрий Алексеевич уже пожалел о том, что пришел сюда в неурочный час – никакого прока от этого визита не будет, разглядеть в темноте «Пляску смерти» он все равно не сумеет, а значит, не сумеет проверить мелькнувшую у него неясную догадку.

Он хотел уже развернуться и покинуть собор, но в это мгновение в готический переплет окна вкатилась огромная яркая луна, и ее лимонный неврастенический свет, расколотый на гулкие куски старинными цветными стеклами, осыпал холодными осколками каменный пол и уходящие в страшную высоту стены собора. Старыгин перевел дыхание и свернул направо, в часовню святого Антония.

Мрачная картина в лунном освещении казалась еще более зловещей. Надменный епископ в пышном праздничном облачении смотрел на Старыгина гневно и раздраженно, как на наглеца, посмевшего нарушить его многовековой покой. Его вел за руку нагло ухмыляющийся скелет в наброшенном на плечи полуистлевшем саване. Следом выступали в медленном торжественном танце император в пурпуре и багрянце под руку с другим скелетом и бледная красавица в роскошном платье из бархата и затканной золотом парчи, доверчиво опирающаяся на костлявую руку безносого кавалера...

Сейчас, когда лунный свет окутывал картину холодным пламенем, Старыгин понял, что показалось ему странным, какая мысль привела его в ночной собор... Чтобы проверить свою мысль, он полез в карман пальто за старинной лупой, с которой никогда не расставался...

Но в эту самую секунду за его спиной раздались быстрые неровные шаги. Дмитрий Алексеевич обернулся и успел заметить стремительно приближающуюся фигуру в темном плаще с поднятым капюшоном. Лица ее не было видно, но таинственная фигура казалась сошедшей с мрачной средневековой картины.

Старыгин отшатнулся, вскинул руки, защищаясь...

Но было уже поздно: на его голову обрушился тяжелый удар, как будто стены собора рухнули на него всей своей тяжестью, и он упал на каменные плиты, погрузившись в бездонный мрак.

– Хозяин! Хозяин!

Мастер Бернт неохотно оторвался от работы, повернулся к двери. В дверях мастерской стояла Мицци, его новая служанка, тринадцатилетняя девчонка из Тюрингии. Она приехала в Любек с родителями, богатыми крестьянами, бежавшими из родных мест от Болезни. Но Болезнь нагнала их здесь, в богатом торговом городе. Родители умерли на постоялом дворе, Мицци чудом уцелела, но хозяин постоялого двора прогнал ее прочь, боясь Болезни, боясь рассердить других постояльцев, да заодно боясь упустить свою выгоду – ведь он имел полное право завладеть имуществом умерших постояльцев.

Мицци оказалась на улице, она просила приюта и подаяния – но никто ее не хотел слышать: все сердца, двери всех домов были закрыты из страха перед Болезнью.

Совершенно случайно мастер Бернт наткнулся на умирающую с голоду девчонку и подобрал ее.

Жена, Анна-Луиза, накричала на него.

Но у них как раз накануне умерла прежняя прислуга, Ханна, и ей нужно было найти замену.

Немного остыв, жена согласилась взять в дом девчонку.

Мицци оказалась толковой и работящей, она не даром ела хозяйский хлеб, все время была чем-то занята – если не помогала кухарке, то прибиралась в доме, стирала или хотя бы вытирала пыль.

Одно в ней не нравилось мастеру Бернту – Мицци была тихой и незаметной, как домовая мышь, у нее был виноватый и забитый вид, как будто она сделала что-то дурное.

Может быть, девчонка чувствовала себя виноватой в том, что Болезнь пощадила ее, забрав жизни всех ее родных...

– Хозяин! – повторила служанка, робко прижимаясь к дверному косяку. – Хозяин, дозвольте сказать...

– Что тебе? – недовольно осведомился мастер Бернт, откладывая кисть. – Что тебе нужно? Сколько раз я говорил тебе – не мешай мне работать! Вот бестолковая девчонка!

– Хозяин, там пришел какой-то человек, он говорит, что у него до вас важное дело...

– Что еще за человек? – поморщился мастер. – Небось посыльный от мясника пришел за деньгами... Позови госпожу Анну-Луизу!

– Простите, хозяин, это не посыльный от мясника. Это слуга из богатого дома, и он непременно хочет видеть вас!

– Ну что с вами поделаешь... – Мастер Бернт вытер руки куском чистого полотна и пошел вслед за прислугой.

В полутемной прихожей его поджидал шустрый мальчик в потертой красно-синей ливрее и в щегольских башимаках, явно доставшихся ему от хозяина. У посыльного были бегающие вороватые глаза и большие оттопыренные уши.

– Мое почтение, мастер Бернт! – проговорил посыльный, угодливо согнувшись. – Значит, хозяин мой велел тебе кланяться и очень просил пожаловать. Дело у него есть до твоей милости. Хорошее дело, богоугодное и денежное.

– Что ты болтаешь, дурак? – беззлобно проговорил мастер. – Я даже не знаю, кто твой хозяин.

– Как, мастер Бернт? – Посыльный изобразил почтительное изумление. – Как, неужто ты и впрямь не знаешь моего хозяина? Все знают моего хозяина, почтенного господина Вайсгартена!

– Ах, так вот ты чей человек! – И правда, ливреи красно-синего цвета носили люди Михаэля Вайсгартена, богатого и уважаемого купца, советника любекского магистрата.

– Точно, почтенный мастер! – закивал слуга. – Мы люди господина Михаэля...

– И чего же хочет от меня твой хозяин?

– Господин Вайсгартен просит твою милость пожаловать для важного разговора. Мне велено проводить тебя до его дома и ни в коем разе не принимать отказа.

– Должно быть, твой господин пошутил или ты неправильно его понял! – проворчал мастер. – Кто сейчас разгуливает по улицам? Только Черные Доктора да труповозы со своими дорогами!

– Прости меня, почтенный мастер! – Посыльный склонился еще ниже, но наглыми глазами поглядывал по сторонам. – Мой господин велел сказать, что ты не пожалеешь, если придешь к нему. Мой хозяин щедро отблагодарит тебя... очень щедро!..

В прежние времена Михаэль Вайсгартен славился своей скупостью, благодаря которой и сколотил большое состояние. Но теперь, когда в городе свирепствовала Блезнь, многие люди переменялись. Страх Божий сделал их щедрыми и набожными.

– Пойти бы тебе с ним, господин Бернт! – раздался за спиной мастера тихий рассудительный голос.

Мастер обернулся и увидел жену.

Анна-Луиза стояла в углу, сложив руки на приподнявшемся животе. Не иначе, она опять беременна.

– Что ты такое говоришь? – недовольно проговорил мастер. – Сама знаешь – в городе Блезнь...

– Все говорят, что Блезнь пошла на убыль, – возразила Анна-Луиза. – А деньги нам очень нужны. Мы слишком много потратили за прошлый месяц, и скоро нам нечем будет расплачиваться с мясником и зелеником.

– Это ты виновата! – привычно рассердился мастер. – Ты накупила дорогих материй у того ломбардского торговца, а цены у него совершенно несуразные...

– Ты забыл, господин Бернт, что я – дочь знатных родителей и не могу одеваться как кухарка! Мой отец дал за мною двадцать тысяч талеров, и ты все это уже потратил...

– Ты тоже приложила к этому руку! – огрызнулся мастер, но понял уже, что идти придется.

– Так или иначе, ты все равно каждый вечер таскаешься в гости к своему приятелю Клаусу Мюллеру! – Анна-Луиза, оставив за собой последнее слово, покинула прихожую.

Однако, прежде чем уйти, сунула в руку мужа синий флакон со святой водой, которую принес намеренный причетник из приходской церкви Святого Маврикия.

Мастер Бернт накинул подбитый мехом плащ, всунул ноги в уличные башмаки и вслед за посыльным вышел на улицу.

Хотя, как говорили, Болезнь уже пошла на спад, улицы оставались безлюдны. Те, кого пощадила страшная гостья, сидели по домам, боясь высунуть нос. Мастер Бернт торопливо шагнул за своим провожатым, опасливо оглядываясь по сторонам.

Они миновали церковь Святого Якова, свернули к ратуше.

Позади раздался грохот колес.

Мастер посторонился. Мимо них проехала телега труповоза, запряженная парой тощих лошадей. Сам труповоз сидел на облучке, завернув голову полый домотканого кафтана. Рядом плелся его подручный, старик с бельмом на левом глазу. Страшное содержимое телеги было накрыто рогожей, чтобы не пугать редких прохожих, но мастер Бернт заметил свисающую с края телеги босую посиневшую ногу.

Провожатый заметно побледнел. Он прижался спиной к кирпичной стене и торопливо перекрестился. Мастер Бернт достал синий флакон, под завистливым взглядом провожатого побрызгал на свою одежду святой водой, несколько капель пролил на волосы.

– Долго еще? – спросил он, когда грохот тележных колес стих за поворотом.

– Совсем близко, почтенный мастер! – Слуга опять угодливо согнулся, прибавил шаг.

Немного не доходя до ратуши, они увидели, как из большого богатого дома вышел Черный Доктор.

Страшная фигура в длинном черном плаще, в черном колпаке, в маске, напоминающей птичий клюв, спустилась с крыльца и помедлила на последней ступени, глядя сквозь прорези маски на испуганных прохожих.

Провожатый мастера снова испуганно перекрестился и припустил чуть не бегом.

Мастер Бернт едва поспевал за ним.

Черные Доктора каждое утро покидали больницу Святого Духа, чтобы обойти дома, пораженные Болезнью. Они помогали тем, кому еще можно было помочь, а туда, где уже не осталось живых, посылали труповоза.

Работа их была милосердной и богоугодной, но тем не менее жители города боялись Черных Докторов и прятались при появлении их страшных и злоеющих фигур.

Не оборачиваясь на Черного Доктора, путники свернули в узкий переулок и наконец остановились перед большим богатым домом из красного кирпича.

Слуга поднялся на крыльцо, постучал дверным молотком в резную дубовую створку. За дверью раздались испуганные голоса, слуга вступил в переговоры, и наконец двери открылись.

Мастера Бернта провели по полутемным коридорам в просторную комнату с огромным камином.

В кресле перед камином сидел сгорбленный старик в красном камзоле, отороченном кунным мехом.

– Здравствуй, почтенный господин Вайсгартен! – произнес мастер Бернт, учтиво поклонившись хозяину. – Рад видеть тебя в добром здравии!

– Благодарю тебя, почтенный мастер Нотке, за то, что ты не пренебрег моим приглашением... – отозвался старик, зябко потирая руки и придвигаясь еще ближе к огню. – Присядь рядом со мной, выпей немного вина. У меня есть хорошее вино из Тюрингии.

Мастер Бернт вежливо поблагодарил старика, опустился в кресло. Тут же появился безмолвный слуга в такой же красно-синей ливрее, подал гостю серебряный кубок с подогретым вином, поставил перед ним блюдо с орехами и марципанами.

Как подобает воспитанным людям, гость и хозяин выпили, немного поговорили о погоде, о том, что господин Архиепископ отслужил мессу, благодаря чему Блезнь, слава Господу, пошла на убыль.

Наконец господин Вайсгартен посчитал, что приличия соблюдены, и перешел к делу.

– О тебе, почтенный мастер Нотке, идет добрая слава, – проговорил он уважительно. – Ты выполнил немало хороших работ для церквей и для богатых людей в Стокгольме, и в Нижних Землях, и у нас в Любеке. Ты отличный мастер и добрый христианин. Потому я хочу просить тебя сделать большую работу для нашей церкви Мариенкирхе. Я дал обет заказать большую картину для этой церкви, если Блезнь обойдет мой дом, пощадит моих близких и домочадцев.

– Это хорошее дело, – ответил мастер после подобающей случаю паузы. – Я охотно возьмусь за эту работу. А какую тему ты выберешь для нее, почтенный господин? Житие какого-нибудь святого, или детство Богородицы, или Страшный суд?

– Нет. – Старик немного помедлил. – Блезнь, посетившая наш город за грехи наши, выкосила многих и многих, но те, что остались в живых, должны помнить милость Божью, должны сознавать тщету земных богатств и радостей, должны понимать, что всякая дорога в нашей жизни ведет только к могиле. Поэтому я хочу, почтенный мастер, чтобы ты изобразил на своей картине различных людей – знатных и простолюдинов, богатых и бедных, юных и зрелых, которые выступают словно в бесконечном хороводе рука об руку с мертвецами...

– Пляску смерти? – спросил мастер Бернт Нотке своего заказчика, почувствовав в груди своей странный холод.

– Пляску смерти, – подтвердил господин Вайсгартен. – Мне случалось бывать по делам в Париже, и я видел там такую картину на кладбище «Невинноубиенных». Сможешь ли ты написать такую же для нашей приходской церкви?

– Смогу, – кивнул мастер, пристально взглянув на старого купца. – Теперь, господин Вайсгартен, мы должны, как подобает, условиться об оплате.

– Хорошая работа будет хорошо оплачена, – заверил его старик. – Сперва я заплачу тебе пятьсот талеров, но если картина будет хороша – прибавлю тысячу. Только еще одно условие я хочу тебе поставить... – Купец протянул зябнущие руки к огню и понизил голос: – Я хочу, чтобы среди людей, которых ты изобразишь на своей картине, были два моих сына и дочь, Шарлотта. Я хочу, чтобы через много лет прихожане нашей церкви видели их прекрасные лица и вспоминали их.

– Я сделаю все, как ты захочешь, почтенный господин! – проговорил мастер Бернт неуверенно. – Однако слышал я, что это – дурной знак. Люди, чьи лица изображали на подобных картинах, вскоре погибали...

– Я не верю в такие приметы! – раздраженно проговорил старый купец. – Всю свою жизнь я торговал на море и на суше и никогда не считался с приметами. Только святым я верю и только молитве поручаю свою жизнь, а знаки и приметы – это от лукавого. Я хочу, чтобы на твоей картине были лица моих детей!

– Как пожелаешь, почтенный господин! – Мастер Бернт кивнул. – Ты платишь за мою работу, и платишь щедро, так что твое слово для меня закон. Я сделаю все по твоему желанию.

– Очень хорошо! Тогда приступай к работе над картиной с завтрашнего дня!

– Да будет так.

Мария толкнула стеклянную дверь и вошла в кафе. По привычке она подняла глаза, взглянула на потолок.

В этом театральном кафе потолок был главной достопримечательностью, главным элементом дизайна – к нему были прикреплены такие же, как внизу, столы и стулья, и за этими перевернутыми столами сидели манекены в современной одежде, ничем не отличающиеся от заполнившей зал таллиннской богемы. Казалось, что в потолке, как в огромном зеркале, отражаются эти завсегдатаи светских тусовок.

Бородатые длинноволосые мужчины в потертых джинсах и кожаных пиджаках, их задумчивые или болтливые спутницы в бесформенных свитерах и пестрых шالях – актеры расположенного поблизости Русского драматического театра, журналисты «Молодежки», модные художники и музыканты из Вышгорода... Они были одеты и причесаны по моде тридцатилетней давности, которую стремились опять сделать актуальной и востребованной.

Опустив глаза, Мария оглядела зал, приветливо кивнула знакомой пианистке, высмотрела свободный столик и хотела уже пройти к нему, как вдруг...

Как вдруг она увидела Эйно.

Он сидел в самом углу и держал за руку коротко стриженную блондинку с нежным лицом лживого ангела. Глаза Эйно горели хорошо знакомым темным огнем, он что-то нашептывал на ухо своей соседке и клонился к ней, как Пизанская башня. Казалось, еще немного – и он овладеет ею прямо здесь, в этом людном зале, на глазах у изумленной публики...

Впрочем, здешнюю публику ничем не удивишь.

Мария отшатнулась, как от удара, перехватила чей-то удивленный взгляд и закрыла вспыхнувшие щеки ладонями. Дышать стало тяжело, как будто ее ударили в солнечное сплетение.

Так вот что имела в виду Минна, когда они разговаривали вчера вечером! Мария не поняла ее намеков, а та не захотела говорить прямо. Только намеки, только сочувственная интонация, с которой она произнесла «твой муж»...

Мария на мгновение зажмурилась и снова открыла глаза, как будто надеялась, что это может что-нибудь изменить, что все увиденное – только галлюцинация.

На секунду ей показалось, что зал перевернулся, что вокруг нее сидят не эти знакомые и полужнакомые люди, персонажи газетных обзоров и герои светских сплетен, а манекены, те самые манекены с потолка, а живые люди – там, наверху...

Но уже в следующую секунду она снова увидела мужа.

Эйно целовал тонкие пальцы своей пассии, не замечая никого и ничего вокруг, а та тихо смеялась, кривя порочный рот, поправляя свободной рукой светлую прядь...

Мария резко развернулась, тяжело, с усилием выдохнула, вышла из кафе, зашагала по улице.

Промозглый февральский холод немного отрезвил ее, заставил взглянуть на вещи с другой стороны.

Она прекрасно знала, что Эйно – бабник, но до сих пор терпела это, смотрела на его интрижки сквозь пальцы. Почему? Надеялась, что он изменится, перебесится, станет другим человеком? Бред, ерунда! Горбатого могила исправит... тогда почему же сегодня ей стало так плохо, так невыносимо? Почему до сих пор она не может дышать, как будто в ночном городе кончился воздух? Только потому, что он совершенно обнаглел, перестал скрываться, обнимается со своей шлюшкой на глазах у всего города? Только потому, что он не ставит ее ни в грош? Ну, он об этом еще пожалеет! Она – не беспомощная курица, она – известная журналистка, а главное – она дочь своего отца, одного из самых влиятельных людей в их маленькой стране...

Правда, отец давно уже не вмешивался в ее личную жизнь, он считал ее достаточно взрослой, чтобы самой расхлебывать эту кашу. В свое время он предупреждал ее о репутации Эйно, но она не захотела его слушать. Да и кто слушает родителей, когда речь идет о любви?

Мария замерзла и вошла в первую попавшуюся кофейню.

Это была нарядная старомодная кондитерская с маленькими круглыми столиками, с обитыми малиновым бархатом глубокими креслами, с горящими свечами на столах.

В зале еще оставались с давно минувшего Рождества нарядные игрушки и еловые ветви. Мария уселась за самый дальний столик и заказала большую рюмку ликера.

Темно-красная жидкость обожгла пищевод, но ей стало чуть легче дышать, и зрение словно навели на резкость. Она отчетливо увидела вытертый бархат кресел, змеящиеся трещины на стенах, пятна плесени на потолке.

В отличие от театрального кафе здесь было почти пусто. Одинокая полная дама доедала огромное пирожное, и еще один человек сидел в противоположном углу, склонившись над чашкой кофе. Лица его не было видно из-за поднятого капюшона.

Официантка начала убирать со столов посуду, ненавязчиво давая понять, что кафе закрывается.

Мужчина в дальнем углу поднял голову, но лицо все равно было скрыто капюшоном.

Мария отчего-то почувствовала укол беспричинного страха. Она резко встала, едва не опрокинув столик.

Зал кофейни чуть заметно покачнулся.

Неужели это от одной рюмки ликера?

Да нет, конечно. Ей случалось выпивать куда больше без всяких последствий. Все дело в Эйно...

Она бросила на стол бумажку в сто крон, пересекла зал, вышла на улицу. Следом за ней мелькнула какая-то тень.

Мария зябко поежилась, спрятала руки в карманы пальто, огляделась в поисках такси.

Как назло, рядом не оказалось ни одной машины, и она зашагала в сторону гостиницы «Выру» – там в любое время сутоклюдно, и уж машину поймать можно без проблем.

Чтобы срезать дорогу, она свернула в узкий переулок, в конце которого виднелась Ратушная площадь.

Рядом послышались чьи-то неровные шаги.

Мария обернулась и увидела того человека из кофейни, человека в плаще с капюшоном. Он шел следом за ней, слегка прихрамывая, и смешно отмахивал при ходьбе левой рукой.

– Чего тебе надо, козел? – проговорила Мария раздраженно, с закипающей злостью.

Только этого уличного приставалы ей не хватало!

Он ничего не сказал, только прибавил шаг и вскоре нагнал ее.

Из-под капюшона сверкнули белки глаз.

Незнакомец вытянул вперед правую руку. Казалось, он хочет успокоить, утешить ее... но это оказалось последней каплей. Мария торопливо открыла сумочку, вытащила баллончик, который с некоторых пор всегда носила с собой...

А незнакомец заговорил.

Он говорил на незнакомом ей языке, но Мария сразу поняла по четкому ритму, что это – стихи, а затем каким-то непостижимым образом осознала и их смысл.

Шелка и бархат истлеют в прах,
Румяна – какой в них прок?
Возьмешь с собою лишь стыд и страх
В последнюю из дорог...

Мария почувствовала странную слабость, головокружение и тошноту. Рука с баллончиком бессильно опустилась, сердце забило в груди, как подстреленная птица.

Внезапно на небо выкатилась луна, осветив темную улицу, окутав странного ночного прохожего тусклым голубоватым свечением. Однако лицо его по-прежнему оставалось в тени, только пронзительные глаза еще ярче сверкнули из-под капюшона.

– Отвали... – слабым голосом проговорила Мария, надеясь этой бессильной грубостью защититься от наваливающегося на нее ужаса. Ей казалось, что все это – сон и она вот-вот проснется в уютной и просторной спальне своего дома в престижном районе Рока-аль-Маре...

Однако незнакомец только качнул головой и вдруг взмахнул рукой. Из широкого рукава его плаща выплеснулась полоска серебристого света, оказавшаяся узким лезвием ножа. Это лезвие плавно и незаметно вошло в грудь Марии.

Ее пронзила острая, ледяная игла боли, но в то же время она почувствовала странную легкость.

По крайней мере, она больше не увидит, как Эйно целует пальцы какой-нибудь очередной худосочной шлюхе... И, к счастью, она больше не услышит сочувственной и снисходительной интонации в голосах задушевных подруг... И больше не испытает такого унижения...

Ноги Марии подогнулись, и она беззвучно сползла на булыжники мостовой.

Человек в плаще склонился над ней, пристально взгляделся в побелевшее лицо, омытое голубоватым молоком призрачного лунного света.

Затем он выпрямился, достал из-за пазухи небольшую старинную книгу в потертом кожаном переплете, раскрыл ее в нужном месте, выдернул из книги пожелтевшую страницу с латинским стихотворением и положил на грудь мертвой женщины, осторожно заправив за лацкан дорогого итальянского пальто.

Оглядев еще раз дело своих рук, он спрятал книгу в карман плаща и зашагал прочь.

– Кажется, живой! – проговорил испуганный старческий голос. – Господин, вы меня слышите? Господин, вы живы? Господин, вы можете подняться?

Старыгин застонал и приподнялся.

В первый момент он не мог понять, где находится: кругом была глубокая живая темнота, из которой выступала приземистая фигура в бесформенной накидке, напоминающей похоронный саван, озаренная фантастическим голубоватым светом. Преодолев пульсирующую в затылке боль, он вспомнил, как вошел в собор, как из темноты появился загадочный призрак... вспомнил удар, обрушившийся на его несчастную голову...

– Кто вы? – испуганно воскликнул Старыгин, вглядываясь в склоненную над ним фигуру.

– Вот интересно! – проскрипел старческий голос. – Я-то известно кто, я – ночная дежурная, ответственное лицо, а вот кто вы и как вы здесь оказались?

Дмитрий Алексеевич заново взгляделся в свою странную собеседницу... и облегченно перевел дыхание: это оказалась вполне безобидная пожилая женщина с недовольным и растерянным лицом. То, что он принял за саван, было обычной шерстяной шалью ручной вязки – вещь, совершенно необходимая в сыром холоде собора. В руке дежурной сверкал фонарь, испускающий яркий голубоватый свет, который и придавал обстановке странную и нереальную тональность.

Дмитрий Алексеевич назвал себя и объяснил дежурной, что наведывался минувшим утром, а сейчас хотел еще раз осмотреть картины. Причем входная дверь собора была открыта, потому он и вошел внутрь. Сообщил Старыгин с некоторым смущением и о таинственном незнакомце, который оглушил его ударом по голове, однако дежурная выслушала эту часть его рассказа с заметным недоверием, да, впрочем, и сам Старыгин не был сейчас ни в чем уверен – уж очень подозрительно эта история звучала. Пожалуй, он и сам себе не поверил бы, если бы не вскочившая на затылке здоровенная шишка. Впрочем, она могла появиться от падения на каменный пол.

Дежурная довольно сухо осведомилась о самочувствии Старыгина, спросила, может ли он самостоятельно передвигаться, и вполне удовлетворилась, когда он поднялся на ноги и заверил ее, что вполне здоров и сию же минуту покинет собор.

Проводив незваного гостя до дверей, женщина заперла их на огромный заржавленный засов и включила сигнализацию.

Старыгин же отправился к себе в отель.

Он решил не брать такси (тем более что ни одной машины не нашлось в обозримом пространстве) и дойти пешком, благо до гостиницы было совсем недалеко.

От холодного воздуха в голове у него немного прояснилось, и боль от ушиба прошла. Единственное, что его беспокоило, – он никак не мог вспомнить, зачем шел в собор в такой поздний час, какую мысль он хотел проверить.

Впрочем, решил Старыгин, утро вечера мудренее, утром все вспомнится, все встанет на свои места.

Он свернул в узкий переулок, в конце которого виднелась ярко освещенная Ратушная площадь.

И вдруг едва не споткнулся о распростертое на булыжной мостовой женское тело.

Старыгин ахнул от неожиданности, склонился над незнакомкой...

Это была красивая, ухоженная женщина лет тридцати, в дорогом и стильном пальто. Светлые волосы свободно рассыпались по обледелым булыжникам мостовой, глаза оставались полукроты, в них тускло отсвечивал лунный свет.

Старыгин опустился на колени, осторожно прикоснулся к узкому запястью женщины. Пульс не прощупывался, и рука показалась ему такой холодной, какой не может быть рука живого человека. Впрочем, зимней ночью об этом трудно судить. На всякий случай он дотронулся до горла незнакомки, но и там не ощущалось биения жизни.

Приглядевшись внимательнее, Дмитрий Алексеевич увидел слева на груди женщины совсем небольшое пятно крови, в центре которого проступало аккуратное отверстие.

Мизерикорд... – вспомнил он то, о чем совсем недавно говорил с инспектором Мяги.

Удар в сердце узким, остро отточенным стилетом. Мгновенная, практически безболезненная смерть...

Действительно, на лице женщины не отразилось ни страха, ни отпечатка предсмертных мучений – только обида и удивление.

Старыгин с трудом отвел взгляд от красивого мертвого лица – и увидел засунутый за лацкан пальто пожелтевший листок бумаги.

Конечно, он знал, что на месте преступления ни к чему нельзя прикасаться, но в эту секунду все знания отступили, он не удержался и взял листок в руку.

Это была шершавая, плотная, пожелтевшая от времени бумага, точно такая же, как та, которую ему показывали полицейские. И на ней таким же немного неровным шрифтом, характерным для редчайших книг шестнадцатого века, было отпечатано латинское четверостишие.

Шелка и бархат истлеют в прах,
Румяна – какой в них прок?
Возьмешь с собою лишь стыд и страх
В последнюю из дорог...

Прочтя стихотворение, Старыгин машинально перевернул листок.

На обратной его стороне располагалась гравюра, как и на том листе, который ему показывал инспектор Мяги.

Знатная дама в длинном парчовом платье выступала в торжественном танце под руку со скелетом.

Снова «Пляска смерти»...

Хотя это была черно-белая гравюра, ее выполнили столь тонко и искусно, что проглядывало золотое шитье платья и небрежно ниспадающие складки подбитого горностаем плаща. На голове дамы высился сложный, украшенный жемчугом убор, окутанный тонкой вуалью, напоминающей паруса двухмачтового корабля, – так называемый двурогий эннен, головной убор, введенный в моду в пятнадцатом веке знатно бургундского герцогства.

В то время Бургундия была сильнее и богаче Франции, поэтому бургундская знать диктовала моду всей Европе. И эта дама на гравюре была одета и причесана по бургундской моде.

Значит, эта гравюра может быть приблизительно датирована пятнадцатым веком. Что подтверждает не только двурогий чепец, но и прическа – по моде того времени волосы дамы были тщательно убраны под головной убор и даже подбриты на лбу.

Однако, внимательно взглянув на гравюру, Старыгин заметил в этой даме несомненное сходство с мертвой женщиной, распростертой на булыжной мостовой. Разумеется, с поправкой на одежду и прическу, а также на разделяющие этих двух женщин пять веков...

Дмитрий Алексеевич вздрогнул и опомнился.

Перед ним лежит мертвая женщина – а он думает о датировке гравюры, о моде позднего Средневековья... Нет, все же профессионалы становятся совершенно черствыми, бесчеловечными! А может, эта женщина еще жива, ее еще можно спасти...

Едва только Старыгин успел положить листок на прежнее место, как вдруг в нескольких шагах от него распахнулась дверь, и на зимнюю улицу высыпала шумная компания.

Люди весело переговаривались, мешая эстонские и русские слова, видимо, решая, куда отправиться продолжать веселье, как вдруг кто-то заметил склонившегося над телом Старыгина.

– О, дама уже хорошо повеселилась! – воскликнул высокий широкоплечий мужчина. – Друг, тебе помочь не надо?

– Что с ней? – озабоченно проговорила молодая женщина в меховом полушубке. – Ей плохо?

– Я знаю! – дурашливо усмехаясь, выпалил парень в длинном пальто. – Мы застали Джека Потрошителя за работой! Парень, можно с тобой сфотографироваться?

Однако его шутке никто не засмеялся. Увидев растерянное лицо Старыгина, одна из женщин подошла к нему и спросила:

– Ей плохо? Надо вызвать врача?

– Скорее, полицию... – отозвался Старыгин, поднимаясь. – Кажется, она мертва... возможно, убита...

Перехватив несколько настороженных взглядов, он поспешил объяснить, что сам наткнулся на труп минуту назад и не знает убитую женщину.

Кто-то из мужчин уже звонил по мобильному телефону.

Не прошло и пяти минут, как рядом остановилась полицейская машина, из нее выскочили трое озабоченных мужчин, один из них склонился над трупом, остальные принялись опрашивать свидетелей.

Еще через несколько минут появился давешний знакомый Старыгина – инспектор Мяги. Он был собран, деловит, внимателен. Увидев Дмитрия Алексеевича, удивленно поднял брови:

– Опять вы? Признаться должен, удивлен я... второй труп – и вы опять рядом оказались...

– Совершенно случайно... – поспешил оправдаться Старыгин.

– Случайно? – переспросил Мяги. – Однако убийство так похоже на первое... почерк такой же точно... удар в сердце прямо, мгновенная смерть...

– Уверяю вас – совершенно случайно! – повторил Старыгин. – Я шел к себе в отель и вдруг увидел ее...

– Да, Таллинн – город маленький... – проговорил инспектор с некоторым сомнением. – Не знаете ли вы, кто женщина эта есть?

– Первый раз в жизни ее вижу, – честно ответил Старыгин. – Однако хочу обратить ваше внимание – здесь оставлен такой же листок, как возле тела профессора...

Инспектор осторожно, за уголок поднял страницу, внимательно рассмотрел ее и показал Старыгину. Тот перевел латинское стихотворение, но отчего-то не сказал полицейскому, что уже брал листок в руки и прочел его до приезда полиции.

– Да, почерк, несомненно, один! – Мяги был мрачен. – Боюсь, с серийным убийцей имеем дело мы. Страница из той же книги, и способ убийства... как вы назвали это – ку де грас?

– Совершенно верно... – машинально подтвердил Старыгин. – Удар милосердия... иначе его называют мизерикорд, как и стилет, которым такой удар наносят...

– Однако как много вы об этом знаете! – произнес инспектор с непонятым выражением – то ли осуждения, то ли одобрения. – Прошу вас пока из города нашего не уезжать!

– Вот как? – вздохнул Старыгин. – Вот что называется – оказаться в ненужное время в ненужном месте...

– Первым делом узнать нужно, кто женщина эта! – проговорил инспектор, сделав вид, что не обратил внимания на слова Дмитрия Алексеевича.

– Это же Мария Клинге! – воскликнула вдруг одна из женщин.

– Точно! – подхватила вторая. – Как же я сразу не узнала? Во вчерашнем номере «Молодежки» была ее фотография...

– Вот как? – Инспектор еще больше помрачнел. – Этого только не хватало нам!

– Кто такая Мария Клинге? – вполголоса спросил Старыгин у инспектора. – И почему ее имя так вас расстроило? Что в ней такого особенного?

– Ах да, вы же приезжий, вы не знаете наших людей... – протянул Мяги. – Мария Клинге – очень известная у нас особа, дочь богатого и влиятельного человека Морица Савицкого... Я представляю, как ее отец... как это говорят по-русски... поставит на ухо всю полицию...

– На уши, – поправил Старыгин инспектора. – У нас говорят – поставит на уши...

– Ах вот как... – Инспектор взглянул недоверчиво. – Что вы еще добавить можете относительно обстоятельств смерти госпожи Клинге?

– Ничего. – Старыгин пожал плечами. – Все, что знал, я вам уже сказал. Да, собственно, и не знал ничего...

– Что ж, можете идти, – разрешил инспектор. – Однако, если вспомните что-то, непременно позвоните по телефону мне! – И он протянул Дмитрию Алексеевичу свою визитку. – А завтра с утра в полицию придете...

Отец Павел закрыл псалтырь и медленно пошел к дверям церкви. Дверь была неплотно закрыта, и через щель с улицы тянуло холодом, а священник с прошлой субботы маялся поясицей.

В его маленьком православном храме было мало прихожан, но он считал своим долгом проводить в церкви как можно больше времени – не только служить обязательные службы, но находиться там и в свободные часы, на тот случай, если кому-то из его паствы потребуется духовная поддержка. Вот и сейчас, несмотря на поздний час и больную поясницу, он оставался в церкви.

Благочинный не ценил такого рвения, и пожилой священник был в епархии не на лучшем счету. В епархии больше одобряли молодых батюшек, которые шагали в ногу со временем – работали с молодежью, находили общий язык с православными бизнесменами, умели выбить из них щедрое пожертвование...

Отец Павел привычно вздохнул, плотно прикрыл створку двери и вновь направился к аналою. Вдруг из темного угла церкви выдвинулась странная фигура, закутанная в длинный плащ с капюшоном.

Верхний свет и большое паникадило были в целях экономии погашены, в храме царил полумрак, озаряемый неярким пламенем свечей, слегка колеблющихся от сквозняка, и священник не мог разглядеть лицо прихожанина.

– Чего ты хочешь, сын мой? – проговорил отец Павел, протянув руку благословляющим жестом к человеку в плаще.

– Покаяться, батюшка! – ответил тот глухим, тихим голосом. – Покаяться, ибо я совершил страшный грех!

– Нет такого греха, который нельзя было бы искупить искренним покаянием и молитвой! – возвысил голос священник. – Но только искренним покаянием, сын мой! Ты понимаешь – искренним! И молитвой, идущей от всего сердца!

– Я понимаю, – отозвался незнакомец, вплотную подойдя к священнику и низко склонив голову, так что тому по-прежнему не было видно его лицо. – Я понимаю... – И он тихим, спокойным голосом заговорил на знакомом отцу Павлу языке.

Прежде чем стать православным священником, отец Павел прожил долгую и сложную жизнь. Он служил в армии, работал на стройке, затем почувствовал тягу к знаниям и закончил Тартуский университет. Там среди прочих обязательных предметов изучали латынь, поэтому священник понял прочитанное незнакомцем четверостишие:

Ни ладан церковный тебя не спасет,
Ни темные лики икон.
Костлявый хозяин с собой несет
Единый для всех закон...

– Не понимаю, к чему ты клонишь, сын мой! – проговорил священник, невольно попятившись. – Ты пришел в церковь в поисках утешения, но в словах твоих звучит неверие. Ты ищешь прощения грехов – но оно невозможно без искренней веры...

Незнакомец молчал, и это молчание начало беспокоить отца Павла. Он отступил чуть в сторону, пытаясь разглядеть лицо пришельца, но из-под капюшона лишь тускло блестели белки глаз.

– Я вижу, что ты образованный человек, владеешь латынью, – снова заговорил отец Павел. – Однако сказано в Писании – от многих знаний многая печаль... Вера, сын мой, вера гораздо важнее знания! Если знаниями ты пытаешься подменить веру – ты никогда не придешь к истинной благодати!

Пришелец по-прежнему молчал, и беспокойство священника усилилось. Впрочем, он нередко сталкивался с очень странными людьми и считал своим долгом помогать каждому.

– Так какой же грех ты совершил, сын мой? – проговорил он со смирением и сочувствием.

– Я убил священника, – ответил тот вполголоса.

– Что? – Отец Павел подумал, что ослышался. – Ты... ты убил?..

Ему показалось, что по церкви пробежал порыв ледяного февральского ветра, едва не загасив последние свечи.

– Да, я убил священника! – повторил незнакомец, и вдруг из широкого рукава его плаща выскользнула узкая серебристая полоска, блеснувшая в полутьме церкви, как выпрыгнувшая из воды рыба.

Священник удивленно ахнул, поняв, что это – узкое лезвие ножа. И тут же серебристое лезвие вошло в его грудь, пронзив ледяной нестерпимой болью. Отец Павел шагнул вперед и

поднял руку, как будто собираясь благословить своего убийцу, отпустить ему страшный грех, но тут же безвольно уронил руку. Ноги его подогнулись, и он тяжело рухнул на церковный пол.

Человек в плаще поправил свой капюшон, склонился над мертвецом и внимательно вгляделся в его лицо. Затем выпрямился, вынул из-за пазухи старинную книгу, перелистал ее, выдернул нужную страницу и положил ее на грудь мертвого священника.

Однако на этом он не остановился.

Из кармана плаща он достал какой-то небольшой блестящий предмет и положил его поверх страницы с латинским стихотворением.

В дальнем конце храма послышался скрип отворяемой двери.

Убийца насторожился, метнулся в темную галерею, беззвучно пробежал по ней и выскользнул из церкви, притворив за собой входную дверь.

Через служебный вход в церковь вошла пожилая приземистая женщина в темном пальто, с темным шерстяным платком на голове. Звали ее странным старомодным именем Манефа, и она за небольшое вознаграждение прибирала в церкви по вечерам.

Оглядевшись, Манефа громко проговорила:

– Отец Павел! Батюшка! Вы где?

Ей никто не ответил, и женщина побрела по центральному проходу, недовольно ворча под нос:

– Никак ушел... свет не погасил, дверей не закрыл... разве ж так делается? Вот прежний батюшка, отец Гермоген, такого бы никогда себе не позволил... аккуратный был священник!

Отец Павел сменил покойного отца Гермогена больше десяти лет назад, но пожилые прихожанки все еще называли его «новым священником» и сравнивали с предшественником, причем сравнение всегда выходило в пользу отца Гермогена.

Манефа собралась уже приступить к уборке, как вдруг заметила на полу какой-то большой темный предмет.

– Это еще что такое? – пробормотала она, вглядываясь в полутьму, и направилась к непонятному предмету, чтобы устранить беспорядок.

Однако, приблизившись к нему и разглядев лежащего на полу священника, Манефа издала дикий вопль и бросилась прочь из храма.

Старыгин шел по улице Старого города в самом скверном настроении.

Почти полдня он провел в полиции, отвечая на бесчисленные и, на его взгляд, бессмысленные вопросы. Больше всего его раздражало то, что на один и тот же вопрос приходилось отвечать несколько раз. Когда же он говорил, что об этом его уже спрашивали, строгий инспектор Сепп гневался и в лучших традициях заявлял, что лучше его, Старыгина, знает, какие вопросы задавать. Если же Старыгин сам пытался о чем-нибудь спросить, чтобы лучше разобраться в ситуации, инспектор в тех же лучших традициях говорил, что вопросы здесь задает он.

Наконец Дмитрия Алексеевича отпустили, но последний автобус на Петербург уже ушел, так что отъезд откладывался на завтра.

Старыгин любил Таллинн и в другое время охотно провел бы здесь лишний вечер. Но сейчас, после двух смертей и многочасового допроса, у него было не то настроение, чтобы наслаждаться средневековой архитектурой, а самое главное – дома его ждали неотложные дела и, разумеется, кот.

Подумав, как по возвращении будет дуться на него кот Василий, Дмитрий Алексеевич расстроился еще больше.

Вдруг рядом с ним притормозила небольшая черная машина, и знакомый голос проговорил:

– О, какая встреча! Никак вы это, Дмитрий Алексеевич?

– Что это вы изображаете? – раздраженно отозвался Старыгин, узнав выглядывающего из машины инспектора Мяги. – Во-первых, часа не прошло, как мы с вами расстались, так что ваша радость неуместна. И, во-вторых, эта встреча вовсе не случайна, вы наверняка за мной ехали от самого полицейского участка...

– О, не обижайтесь на меня! – с виноватым видом воскликнул толстяк. – Да, правы вы, конечно, я этой встрече искал.

– Вам что – мало показалось такого долгого допроса? Не наговорились со мной?

– Отнюдь! – Инспектор смешно воздел руки. – Я хотел... как это? Загладить впечатление ваше от эстонской полиции. Честно скажу вам – коллега мой инспектор Сепп очень хороший полицейский, но чуть-чуть... как это? зануда, и вы могли обидеться на него немного. Поэтому я хочу угостить вас обедом. Здесь рядом местечко есть очень приятное...

Старыгин вздохнул: инспектора явно играли с ним в классическую игру «хороший и плохой полицейский», и толстяк Мяги взял на себя роль хорошего. Впрочем, так или иначе, он проголодался за время допроса и собирался где-нибудь поесть, а толстяк Мяги наверняка знает толк в здешних заведениях.

Инспектор припарковал машину и повел Дмитрия Алексеевича пешком. Их путь лежал через узкую улочку, точнее – проулок между двумя рядами мрачных каменных зданий. Этот проулок назывался проходом Святой Катерины, и все помещения первого этажа вдоль него занимали мастерские кузнецов, стеклодувов, ткачей, гончаров и прочих мастеров традиционных ремесел.

Мимоходом Старыгин заглянул в открытую дверь стекольной мастерской. Там он увидел раскаленную от жара печь, возле которой стоял красный распаренный стеклодув. На длинной трубке он держал искрящийся сгусток лилового стекла, который на глазах превращался то ли в бокал, то ли в подсвечник.

Миновав проулок Святой Катерины, инспектор вывел его на очередную горбатую средневековую улочку и свернул направо, оказавшись перед огромной тяжелой дверью, больше похожей на ворота замка или собора, чем на дверь ресторана.

Впрочем, и весь ресторан оказался под стать входу – он занимал бывшую трапезную соседнего монастыря и буквально поражал своими размерами.

Полы были вымощены огромными каменными плитами, тяжелые дубовые столы казались вырубленными из целых дубов, а камин в глубине зала казался таким огромным, что в него легко въехала бы запряженная лошадьми карета или тот туристский автобус, на котором Дмитрий Алексеевич приехал в Таллинн. В этом исполинском камине полыхало несколько бревен такого размера, что они вполне подошли бы в качестве мачты для старинного парусника.

Инспектор уверенно провел Старыгина в дальний конец зала, и они устроились за угловым столом. Тут же рядом появилась официантка в народном костюме с пышной юбкой и вышитым корсажем. Инспектор заговорил с ней по-эстонски и, насколько смог понять Старыгин, заказал такое количество еды, которого хватило бы не на двоих мужчин среднего возраста, а на целую толпу голодных студентов.

Пока еда готовилась, официантка принесла две кружки темного пива и тарелку неизбежных сырных сухариков.

Старыгин разгрыз сухарик и проговорил:

– Ну, раз уж теперь мы не в полицейском участке, я этим воспользуюсь и задам вам несколько вопросов.

– Пожалуйста! – воскликнул инспектор, отпив огромный глоток пива. – Сколько угодно вам!

– Эта женщина, которую вчера убили... Мария Клинге... что она собой представляла? Вы сказали, что она – дочь влиятельного и богатого человека, но это мало что говорит. Мне не дает покоя вопрос – какая связь между ней и профессором Сааром?

– Мария Клинге – как говорят у вас, светский персонаж, – с готовностью ответил инспектор. – Она посещает... то есть посещала всевозможные приемы и вечера, часто попадала в новости телевизионные. Однако окончила она университет, журналист по образованию, и вела она колонки в нескольких изданиях... Не для заработка, конечно, а, как у вас говорят, для души...

– Для души, – машинально поправил его Старыгин. – В общем, по всему выходит, что она – принцесса...

– Принцесса? – переспросил инспектор. – Почему принцесса?

– Вспомните «Пляску смерти» в церкви Нигулисте. Там в хороводе со скелетами танцуют пять персонажей – король, император, кардинал, папа римский и только одна дама – принцесса... Так вот, если я правильно понимаю логику убийцы, Мария Клинге олицетворяет именно принцессу... Боюсь вас огорчить, дорогой инспектор, но у вашего убийцы обширные планы, и если вы его не остановите – произойдет еще несколько смертей.

– Но тогда кто у нас профессор Саар? – вскинулся инспектор. – Он не правитель и не священник...

– Судя по стихотворению, которое вы нашли рядом с его трупом, профессор у нас изображает средневекового алхимика.

– Но алхимика нет среди персонажей «Пляски смерти»!

– Среди тех, что сохранились, – нет, но ведь первоначально их насчитывалось не пять, а двадцать четыре! Во всяком случае, именно столько «танцоров» было изображено на любекской «Пляске». Та картина погибла во время войны, но сохранилось немало ее изображений – фотографий и гравюр. Так вот, среди тех персонажей есть и алхимик...

– Боже! – воскликнул инспектор и шумно допил оставшееся пиво. – Значит, вы думаете, будет еще двадцать два убийства?

– Это только мое предположение, – поспешил успокоить его Старыгин. – И я надеюсь, что вы все же остановите убийцу, прежде чем он пополнит свой список...

Мастер Бернт Нотке отступил на несколько шагов и взглянул на свою работу. Уже второй месяц трудился он в Мариенкирхе над «Пляской смерти», которую заказал ему советник Вайсгартен. Несколько второстепенных фигур были уже запечатлены, а сегодня он завершил работу над фигурой молодого рыцаря, лицу которого придал черты Иоганна, старшего сына господина Вайсгартена.

Мастер нанес еще несколько точных мазков и хотел перейти к следующему фрагменту картины, когда за его спиной раздались медленные шаркающие шаги.

Мастер обернулся, собираясь отчитать своих подмастерьев за то, что пустили к нему постороннего. Но это был не посторонний, это был советник магистрата Вайсгартен, заказчик картины. Такому человеку многое позволено, даже не вовремя появляться рядом с незаконченной работой. Мастер Нотке сдержал раздражение, учтиво поклонился и приветливо проговорил:

– Как поживаете, почтеннейший господин советник?

Только теперь он разглядел лицо Вайсгартена, мрачное, опустошенное, прорезанное новыми морщинами.

– В мой дом пришло несчастье, – проговорил старый купец глухим, надтреснутым голосом. – Моего старшего сына минувшей ночью унесла Болезнь.

– Примите мои соболезнования, – растерянно отозвался мастер, и взгляд его невольно вернулся к картине, к рыцарю с лицом Иоганна Вайсгартена... Не успел он завершить его портрет – и Иоганна не стало! Так, значит, древнее поверье не лжёт!..

– Но я пришел сюда не для того, чтобы рыдать и жаловаться. – Голос советника набрал новую силу. – Я пришел, чтобы взглянуть на то, как подвигается твоя работа, мастер Нотке! Я вижу, что ты значительно продвинулся, однако прошу тебя работать еще быстрее. Боюсь, у меня осталось совсем немного времени!

– Немного времени... для чего? – переспросил художник, боясь услышать ответ.

И заказчик ему не ответил. Он прошел вдоль картины, внимательно взглядываясь в завершённые фрагменты, и надолго задержался возле портрета своего сына.

– Если пожелаете, почтенный господин советник, я напишу этому рыцарю другое лицо!

– Ни в коем случае! – Старый купец повернулся к художнику всем телом, лицо его опалило гневом. – Ни в коем случае! Выполняй в точности наш уговор. Я хочу видеть на этой картине лица своих дорогих детей! Хочу, чего бы это ни стоило!

– Чего бы ни стоило? – испуганно повторил мастер, когда до него дошел смысл этих слов. – Я не ослышался?

– Не заставляй меня дважды повторять свои слова! – раздраженно выкрикнул советник. – Я привык, что меня понимают с первого раза. И выполняют то, что я приказал.

– Как пожелаете, почтенный господин советник! – Мастер Бернт учтиво склонился перед старым безумцем. – Как пожелаете! Вы оплачиваете мою работу, значит, ваше слово для меня закон!

– Так-то лучше. – Советник еще раз взглянул на портрет молодого рыцаря и побрел к выходу из церкви, тяжело переставляя изуродованные ревматизмом ноги.

Бернт Нотке проводил его удивленным взглядом и приступил к фигуре знатной дамы, которой он должен был придать черты дочери советника Вайсгартена.

Однако работа не шла. Художник отступил от картины, опустил веки, зажмурился, пока перед глазами не замелькали цветные пятна, и снова подошел к картине.

Что-то по-прежнему мешало ему. Мастеру казалось, что он чувствует чей-то назойливый, пристальный взгляд, чье-то мучительное, изнуряющее, неотступное присутствие.

Он снова отошел от картины, оглянулся.

В церкви никого не было, кроме двух его подмастерьев, усердно перетиравших краски.

Подмастерья чувствовали, что мастер не в духе, и работали молча, не смея поднять глаз, чтобы ненароком не навлечь на себя хозяйский гнев.

Тогда мастер Бернт повернулся к картине.

И тут по его спине пробежала ледяная судорога страха.

Мертвец в полуистлевшем саване, тот самый скелет, который вел за руку в смертельном танце молодого рыцаря с лицом Иоганна Вайсгартена, пристально смотрел на художника темными провалами своих пустых глазниц, следил за ним, как кошка следит за мышью, и в этом безглазом взгляде чувствовалось дьявольское упорство и бесконечная самоуверенность смерти. Мертвец словно говорил своему создателю – делай что хочешь, работай, мечтай, играй в свою рискованную игру, все равно в выигрыше останусь только я, а тебе достанутся смертная тоска, одиночество и отчаяние...

Мастер испуганно перекрестился, на мгновение прикрыл глаза, затем снова их открыл...

Мертвец как мертвец, пустые черные провалы устремлены в стену церкви, в голую и холодную каменную стену. Мастеру просто померещился этот пристальный, настороженный взгляд. В конце концов, он сам рисовал этого мертвеца, и у того нет никаких других чувств и мыслей, кроме тех, которые он в него вложил...

Мастер Бернт Нотке вздохнул и продолжил работу.

Старыгину снилось, что он, как днем, идет по проулку Святой Катерины, только на этот раз его ведет не инспектор Мяги, а какая-то стройная женщина с горделивой, царственной осанкой. Лица ее Старыгин не видел, поскольку женщина шла впереди него, указывая дорогу.

Ему очень хотелось увидеть это лицо, и, рискуя показаться невежливым, он прибавил шагу и обогнал свою провожатую. Обернувшись, он заглянул в ее лицо... и вздрогнул от ужаса.

Это было лицо той женщины, которую он нашел мертвой неподалеку от Ратушной площади. Только ее лицо уже было изъедено могильными червями.

Мертвая принцесса ухмыльнулась безгубым ртом, протянула к Старыгину руки и проговорила:

– Теперь, когда ты знаешь мою тайну, тебе уже не спастись!

Старыгин увернулся от мертвых рук, бросился в открытую дверь мастерской.

Это была кузница, и высокий человек в кожаном фартуке ритмично бил кувалдой по раскаленному куску железа. Удары сыпались один за другим, и Старыгин наконец проснулся.

Как ни странно, удары не прекратились.

Дмитрий Алексеевич приподнялся на локте, чтобы понять, где находится и откуда доносится стук...

Через секунду он окончательно пришел в себя и понял, что находится в гостиничном номере, а в дверь его номера кто-то настойчиво стучит.

– В чем дело? Кто здесь? – воскликнул он, спустив ноги с кровати.

– Откройте, господин Старыгин! – отозвались из-за двери. – Полиция!

– О господи! – проговорил Старыгин, торопливо одеваясь. – Нигде нет от них покоя!

Он открыл дверь номера и отступил в сторону.

На пороге стояла смущенная сотрудница отеля, за ее спиной виднелось суровое лицо инспектора Сеппа и еще двое молодых полицейских.

– Извините, господин Старыгин! – проговорила девушка. – Я объясняла им, что вы – солидный человек, просила подождать хотя бы до утра, но они меня и слушать не стали...

– Не беспокойтесь, – отмахнулся Старыгин. – Вы ни в чем не виноваты, полиция есть полиция... и что же вам понадобилось от меня посреди ночи? Вы вспомнили, что я не расписался на одной из копий протокола допроса? – Эти слова адресовались уже инспектору.

– Вы опять шу-утите? – протянул Сепп, играя желваками. – Скоро ва-ам будет не до шуток!

– Какие уж тут шутки... – пробормотал Старыгин, зябко передернув плечами. – Разбудили посреди ночи... Надеюсь, у вас для этого была серьезная причина...

– Еще ка-акая серьезная! – Сепп смотрел на Старыгина, как кот на зазевавшуюся мышь. – Совершенно еще одно убийство, и на этот раз вам не удастся отвертеться! Собирайтесь, господин Старыгин, вы поедете с нами в полицейский участок!

– О господи! – вздохнул Дмитрий Алексеевич, надевая пальто. – Ну и поездочка у меня получилась!..

Через полчаса он вслед за инспектором вошел в его кабинет.

Сепп занял место за своим столом, указав Старыгину на жесткий стул по другую сторону. Дмитрий Алексеевич с опаской сел. В глазах инспектора сквозила такая враждебность, что Старыгин ничуть не удивился бы, если бы стул под ним подломился. Однако этого не произошло.

Инспектор выдвинул правый ящик стола и проговорил с тайным злорадством:

– Вам зна-акома эта вещь?

С этими словами он положил перед Старыгиным старинную лупу в бронзовой оправе. Дмитрий Алексеевич удивленно уставился на лупу и помедлил с ответом. Инспектор, вскочив из-за стола, навис над ним и воскликнул:

– Бесполезно отпираться! Я видел эту вещь у вас в руках тогда, в церкви Нигулисте!

– А я и не отпираюсь. – Старыгин недоуменно пожал плечами. – Это моя лупа. Вот спасибо, что вы ее нашли! Я без нее как без рук... – И он потянулся к лупе, собираясь ее забрать.

– Не трогать! – рявкнул инспектор, накрыв лупу своей рукой. – Это важная улика, вещественное доказательство!

– Доказательство чего? – удивленно спросил Старыгин.

– Это улика, изобличающая ваше участие в очередном убийстве! – торжествующим голосом произнес Сепп. – Ваша лупа найдена рядом с трупом. А поскольку почерк преступника полностью совпадает с двумя предыдущими, у меня есть основания предъявить вам обвинения в трех убийствах!

От радости инспектор Сепп даже перестал по своему обыкновению растягивать слова.

– Чушь какая... – проговорил Старыгин, оглядываясь по сторонам. – Да кого хоть убили-то?

– Вам ли не знать? – насмешливо проговорил инспектор. – Убит православный священник отец Павел. Он жестоко убит прямо в церкви! Преступник – то есть вы – не остановился перед святотатством! Перед осквернением храма!

– Но я этого священника даже не знал!

– Не надо изображать невинного ягненка! – процедил Сепп, возвращаясь на свое место. – Лучше сразу признайтесь в своих преступлениях. Возможно, суд учтет искренность ваших признаний, хотя жестокость ваших преступлений едва ли допускает снисхождение...

– Но эту лупу я потерял... – сбивчиво проговорил Старыгин. – Она пропала... на меня напали в церкви Нигулисте, ударили по голове, и там, наверное, она исчезла...

– Думаете, я поверю в эту чушь?

– Что здесь происходит? – Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул инспектор Мяги. – Мне позвонили... я уже спал... – Он широко зевнул и протиснулся в кабинет.

– Мог бы спать дальше! – Сепп горделиво вскинул голову. – Дело можно считать закрытым. Я нашел убийцу. Это он! – И инспектор прокурорским жестом указал на Старыгина.

– Да что ты? – Толстяк удивленно уставился на Дмитрия Алексеевича, как будто первый раз его видел. – Странно... а с виду такой приличный, воспитанный человек!

– Внешность бывает обманчивой! – поучительным голосом произнес Сепп. – Многие серийные убийцы вели двойную жизнь и производили на окружающих самое благоприятное впечатление.

– Быстро же ты все распутал!..

– Ты же знаешь, – инспектор Сепп доверительно понизил голос, – после убийства Марии Клинге нас очень торопят...

– Торопят... – вздохнул Мяги. – Но это не значит, что мы должны спешить. В спешке можно наделать ошибок. Вообще, какие у тебя основания для обвинения?

– Ты многого не знаешь, – оборвал его коллега. – Сегодня вечером совершено еще одно убийство. Убит православный священник, и убит таким же способом, как профессор Саар и Мария Клинге. Но на этот раз на месте преступления найдена неопровержимая улика! – Сепп продемонстрировал коллеге лупу. – Эта вещь принадлежит господину Старыгину. Он потерял ее рядом с трупом. Не сомневаюсь, что на ней мы найдем его отпечатки пальцев. Я всегда считал, что любой преступник рано или поздно совершает ошибку!..

– Совершает... – как эхо, повторил Мяги и наморщил лоб. – А когда, ты сказал, произошло это убийство?

– Время преступления определено достаточно точно. – Сепп сверился со своими записями. – В двадцать два часа из православной церкви ушли последние прихожане, они видели священника живым. А в двадцать два двадцать приходящая уборщица обнаружила в церкви труп отца Павла...

Услышав о времени убийства, Старыгин попытался заговорить, но инспектор Мяги остановил его жестом.

– Понимаешь, тут одна неувязка имеется... – протянул он. – Если убийство, как ты говоришь, совершено между десятью вечера и двадцатью минутами одиннадцатого, то у господина Старыгина на это время имеется алиби.

– Алиби? – Сепп недоверчиво уставился на коллегу. – Не может быть! Какое алиби?

– Достаточно надежное... – вздохнул Мяги. – В это самое время господин Старыгин ужинал в бывшей монастырской трапезной. Ну, ты знаешь, рядом с доминиканским монастырем.

– Чушь! – выпалил Сепп. – Не может быть! Кто это может подтвердить?

– Я. – Инспектор Мяги развел руками. – Дело в том, что мы ужинали вместе. И уверяю тебя – господин Старыгин никуда не выходил и все время был на моих глазах...

– Но как же... но как тогда его лупа оказалась на месте преступления?

– Я вам говорил – на меня напали накануне в церкви Нигулисте, тогда и пропала эта лупа! – смог наконец вклиниться Старыгин в разговор полицейских.

– Я не верю в эту историю! – проговорил Сепп, но на этот раз в его голосе не было прежней убежденности.

– А зря! – Мяги повернулся к двери и громко проговорил: – Свидетельница, войдите!

Дверь кабинета приоткрылась, и в него робко протиснулась невысокая пожилая женщина в круглых старомодных очках и шерстяной шали домашней вязки.

– Тере, – испуганно проговорила женщина, оглядывая присутствующих. – Здравствуйте!

– Представьтесь, свидетельница! – попросил ее инспектор Мяги.

– Анна Тамм... я работаю ночной дежурной в церкви Святого Николая, в Нигулисте...

– Вы кого-нибудь узнаете из присутствующих? – спросил ее Мяги.

– Вот его, – женщина указала на Старыгина. – Вчера вечером я нашла его на полу церкви. Он лежал без чувств в той часовне, где находится «Пляска смерти».

– Как вы туда попали? – осведомился Сепп, повернувшись к Старыгину.

– Дверь церкви была открыта, – ответил Дмитрий Алексеевич. – Я хотел еще раз взглянуть на картину, вошел... а потом кто-то в темноте ударил меня по голове, и я потерял сознание. Наверное, там я и потерял лупу...

– А убийца ее подобрал, – закончил за него инспектор Мяги.

– Почему дверь церкви была открыта в неурочное время? – строго спросил Сепп дежурную.

– Не знаю... – Женщина смутилась. – Я ее всегда запираю... кажется, и в тот раз тоже закрыла, но когда проводила его к выходу, дверь оказалась открыта...

– Вы понимаете, свидетельница, что вам доверены большие художественные и исторические ценности?! – гремел инспектор. – Вы должны серьезнее относиться к своим обязанностям!

– Да за такие гроши, что мне платят... – Женщина взяла себя в руки, опустила глаза, сложила руки на животе и закивала: – Да, понимаю, понимаю!

– Вы свободны! – милостиво разрешил ей Сепп. – И вы тоже свободны! – Он повернулся к Старыгину и развел руками. – Извините, что причинил вам беспокойство...

– Подождите... – проговорил Старыгин, прежде чем выйти из кабинета. – Раз уж я здесь и раз уж обвинения с меня сняты – могу я задать вам несколько вопросов?

Полицейские переглянулись.

Хмурый взгляд инспектора Сеппа выражал явное недовольство: зачем нужно отвечать на вопросы этого подозрительного иностранца? Они, полицейские, должны задавать вопросы, а не отвечать на них!

Однако инспектор Мяги своим выразительным взглядом напомнил коллеге, что тот поднял Старыгина среди ночи, вытащил его из теплой постели, привез в полицейский участок...

Что Дмитрий Алексеевич – ученый с мировым именем, и из уважения к нему, а также в качестве компенсации за причиненные неудобства они должны ответить на любые его вопросы, даже если это нарушает представления инспектора Сеппа о порядке ведения следствия.

После такого насыщенного обмена взглядами Сепп опустил глаза и проговорил чрезвычайно недовольным голосом:

– Спрашивайте... что конкретно вас интересует?

– Вы сказали, что обстоятельства этого убийства совпадают с первыми двумя преступлениями?

– Да-а, это та-ак! – подтвердил инспектор Сепп, по обыкновению растягивая слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.